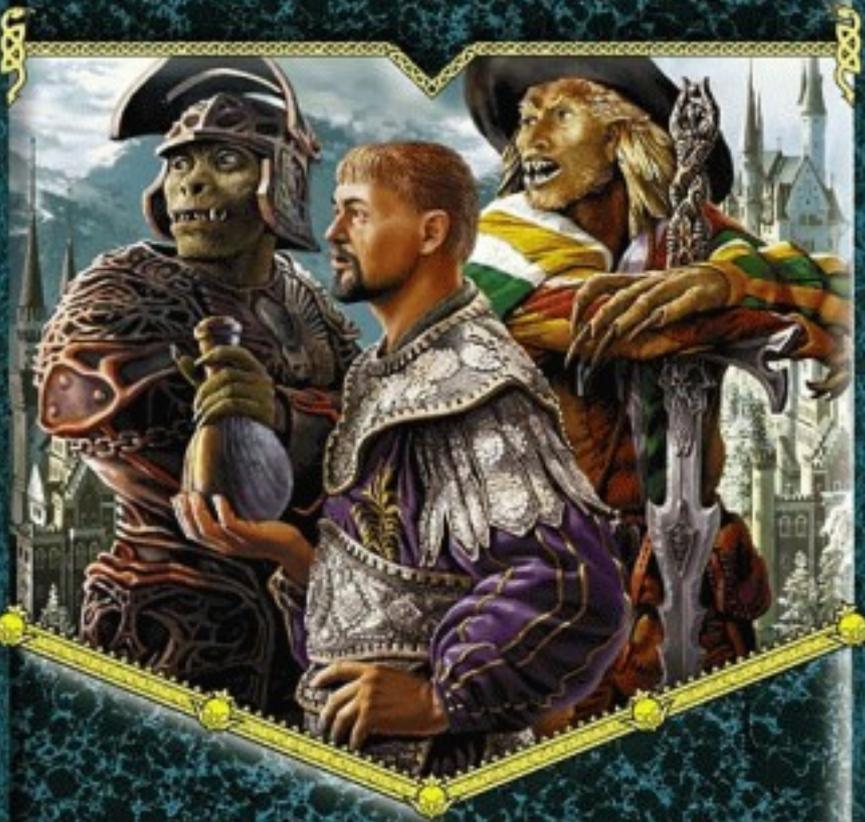

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Николай БАСОВ

МАГИЯ НЕВЕДОМОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Николай Владленович Басов
Магия Неведомого
Серия «Круг Камня и Сноп Искр», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147977
Магия Неведомого: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0125-3*

Аннотация

Джарсин Хранительница, как и прочие архимаги, полагала себя бессмертной и почти всемогущей. Да и стоило ли в этом сомневаться, когда за тысячелетия жизни любое ее желание могло быть вмиг исполнено, любой каприз удовлетворен. Но случилось непоправимое: Камень, в котором была сосредоточена ее сила, который способен был рождать живые искры, поселявшиеся затем в душах смертных и тем самым наделявшие Джарсин властью над циклопами, гоблинами, тархами, гноллами и прочими обитателями Нижнего мира, не откликнулся на ее зов. Артефакт умер, и вместе с ним навсегда исчез привычный порядок. Однако надежда возродить Камень не потеряна. Надо лишь отыскать одаренных искрами и готовых добровольно ими поделиться. Довериться тем, кого Джарсин до сих пор считала лишь пылью у себя под ногами. На поиски избранных отправляются три лучших рыцаря Ордена Хранительницы: человек Фран Термис Соль, орк Сухром од-Фасх Переим и полукровка-эльф Оле-Лех Покров. Врученные Госпожой магические медальоны должны им помочь не ошибиться с выбором.

Содержание

Часть I	4
1	4
2	9
3	14
4	19
5	25
6	30
7	35
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Басов

Магия Неведомого

Часть I

ДЖАРСИН НАБЛЮДАТЕЛЬНИЦА

СОЗРЕВАНИЕ ЗАМЫСЛА

1

Голос чтицы звучал гулко, протяжно и уныло в этом высоком зале. Она читала, как строился замок Джарсин Наблюдательницы, как он был придуман, как работали каменщики, скульпторы, даже столяры и краснодеревщики, украсившие стены причудливыми панелями. Впрочем, до столяров повествование еще не дошло, но Джарсин знала текст и оттого испытывала скуку.

Кнет, замковый шут, пантомимой изображал все, о чем голосила чтица. Он становился то каменщиком, то стеной, которую надстраивали, то скульптором, а то и горгульей, одной из бесконечного ряда тех, что украшали замок, или оборачивался суетливым возчиком, подвозящим камень для строительства, или лошадью, этот камень тащившей на телеге, столяром, а потом и столом, над которым мастеровой трудился, даже страхом, который он испытывал при мысли, что Джарсин не понравится его произведение. В другое время Наблюдательница обратила бы на него внимание, но не сейчас.

Сейчас ее одолевали мысли тревожные и неприятные. Джарсин считала это неправильным, полагала, что архимагичке, каковой она являлась, не пристало беспокоиться, но это все равно было, было... Джарсин попыталась разобраться в себе, это оказалось непросто. Она отвыкла от ощущения мыслей о себе, она не хотела этого, она уже и забыла – какво думать о том, что можно в какой-то момент оказаться уязвимой. И гнала эти мысли от себя.

Джарсин попробовала сосредоточиться на словах, которые почти выпевала чтица. Но тут же ее взгляд скользнул вбок, от этого дурака-Кнета, и она стала рассматривать Ванду Хранительницу, – или, как однажды Джарсин придумала в неудовольствии, что ей придется выговаривать такое длинное прозвище, и к тому же парадоксально похожее на ее собственное... В общем, как бы то ни было, она уперлась зрением в Ванду Хранцу. А та вышивала на пяльцах, поставленных на специальную резную подставочку. С боков вышивка свисала причудливыми складками, раскинулась по каменному полу, выложенному растительным орнаментом из камней четырехсот видов и цветов. Ткань лежала едва ли не правильными волнами и переливами... Но и Ванда раздражала этой никому не нужной вышивкой, деланым старательными видом, сосредоточенностью и поразительным спокойствием. Она чуть не закричала на Ванду, но... И о ней забыла.

Взгляд Джарсин скользнул к стрельчатым окнам. Но там ничего интересного не было, замок стоял на скале, вырастающей из тяжелой, клубящейся темными тучами или вечными туманами пропасти, через которую вела единственная дорога, построенная на таких же редких скалах, что и сам замок, только более тонких и обточенных все теми же туманами и ветрами. Настоящая панорама начиналась милях в трех за этим ненадежным на вид мостом, но Наблюдательница знала, что он простоит столько, сколько понадобится, сколько она собирается жить – тысячи лет, а возможно, и до тех пор, пока не погаснут звезды.

Равнина была лишь с левой стороны от дороги, ведущей к замку, с юга. На севере поднимались горы, обрывистые и такие высокие, что с той стороны и свет никогда не доходил до этой... местности. Горы возносили свои вершины в бесконечность, и даже у Джарсин не было желания выяснять, насколько же они высоки.

Она жила тут, в мире, который назывался по-разному, иногда Верхним миром, иногда Горним, а иногда и Безместным и лишь изредка – Безвременным миром. Только тут она могла жить, как хотела, только тут могла править и чувствовать себя в безопасности. Она забыла, как тут оказалась две или три тысячи лет назад, как окончательно сюда перебралась, и что ее побудило к этому, и как она нашла именно эту пропасть, эту скалу... Лишь как строился замок, она не забыла, потому что чтица частенько читала этот древний эпос, полагая, вероятно, что Джарсин нравится его слушать. Наверное, для смертных, которых она привела сюда для работы, это было захватывающим приключением, для самой же волшебницы оказалось лишь ранней юностью, едва ли не окончанием детства, конечно, магического детства, но все равно – всего лишь той порой, когда собственных сил не представляешь, и оттого кажутся они безмерными.

Джарсин встала, чтица тут же умолкла, Ванда подняла голову, оторвавшись наконец-то от вышивания, Кнет тоже замер, дурак, на одной ноге, другую вытянув назад, возможно изображая полет кометы, а может, хвост дракона, и странно выпученными глазами попробовал посмотреть, не поворачивая головы, на хозяйку.

Не говоря ни слова, Джарсин пошла по коридору, тут было чуть прохладнее, чем в зале для чтения, щекой она определенно ощутила слабенький сквознячок. Что оказалось в ее замке не очень хорошо – так вот эти сквозняки. Но что же с ними поделаешь, они приходили из пропасти, из того пространства внизу, в которое она тоже не хотела вглядываться, как и в вершины северных гор.

Наблюдательница пошла по коридорам, пинком раскрывая двери, которые были так массивны и тяжелы, что не сразу и пропускали ее даже после толчка. Давно следовало бы поставить у них гвардейцев в серебряных кирасах, может, даже со шпагами или с протазанами, чтобы они эти двери ей открывали... Да вот беда, не любила она лишние лица в замке – всех этих орков, гоблинов, карликов, людишек, троллей или эльфов.

Кнет увязался за ней, Ванда приотстала, должно быть, слишком аккуратно складывала свою драгоценную и бессмысленную вышивку.

– А раньше ты, Госпожа, умела перелетать из башни в башню, помнишь? – спросил он фальцетом, подражая голосу ярмарочного зазывалы. Она не отозвалась, тогда он продолжил: – Или просто переносилась, куда тебе нужно... Бывалоча, что в трех разных местах тебя видели, и каждый же раз это ты была, не фантом или что-то подобное...

– Заткнись. – Она все же не выдержала.

Кнет с деланым испугом зажал рот ладошками, на одном из пальцев вдруг блеснул дорогой и большой, закрывающий чуть не всю фалангу, перстень. Джарсин остановилась и посмотрела на него, Кнет всегда выпрашивал у нее подачки, порой довольно дорогие. Интересно, зачем ему все эти вещицы тут, в замке? Уж не для того ли, чтобы тискать за них продажных служанок? Так мог бы просто приказать, если ему по вкусу такое развлечение... Или он откупается от Торла за что-то?.. Или он попросту копит?! Зачем ему копить, он же не собирается жить вечно, как она, и знает, что если его и выпустят из замка, то только для того, чтобы отнести на погост... Если она позволит. А то сбросят в пропасть, как поступают с мелкими служками.

Идти пришлось через большой зал, сплошь уставленный зеркалами самой лучшей работы. Джарсин на миг остановилась, посмотрела на себя. Кнет тут же попробовал спрятаться за нее, но зеркала так отражали свет, падающий из верхних окон, что его все равно

было видно, прижавшегося к ногам хозяйки, как собака. Он уже попытался было представиться собакой, но она его отпихнула, он ей мешал. И тогда взглянула на себя прямо.

Тощая, в длинном платье с мягким шлейфом, аккуратно подметающим пол за ней, прямая, как палка, и с лицом... Что за лицо! Мучнисто-белое и гладкое, как кость, обглоданное всеми прожитыми годами, лицо уже не архимагички, а какого-то ночного кошмара, видения, от которого хочется проснуться... Острый нос, похожий на клюв хищной птицы, слишком тонкие губы, запавшие щеки и лоб, выше раза в два, чем было бы хорошо для женщины... И глаза... Но в глаза она и сама не хотела смотреть, знала же лучше всех, что может там увидеть – череду предательств, интриг, в искусстве которых она совершенствовалась столетия, и магических побед, которые странным образом оборачивались поражениями ее плоти и духа... Джарсин и сама не была уверена, что согласилась бы на такую судьбу когда-то давным-давно, когда еще была обыкновенной девчонкой-гадалкой на рынке пыльного провинциального городка, когда только мечтала стать настоящей магичкой, если бы знала, что увидит когда-либо у себя такое лицо и – главное – такие глаза.

Тихое рычание вырвалось у нее, это испугало Кнета больше всего, он заскулил даже, эти звуки слились, странно переплелись, и Джарсин самой стало страшно, но всего лишь на миг, не более... Архимаги не боятся ничего, не должны бояться, как не должны по какому-либо поводу волноваться. Она пошла дальше. Ступени, снова ступени, бесконечные и крутые переходы, снова ступени выше колена...

Вот наконец-то и место, куда она направлялась. Круглая комната, небольшая для такого замка, лишенная крова, уходящая высокими, заваливающимися к центру стенами вверх, в серое, бездонное небо, клубящееся нескончаемыми тучами. Но во всем этом замке – главное место, в котором Джарсин проводила больше всего времени, которое, что ни говори, все еще поддерживало в ней чувство жизни, давало ощущение причастности миру и вдохновляло порой на новые эскапады и эксперименты, как ни странно.

В самом центре комнаты на сложных узорчатых цепях из золота, отходящих затейливой паутиной от стен, прямо под открытым небом висел Камень, не больше головы теленка, неправильной формы, окованный тончайшей сеточкой, поддерживающей его на весу. Одна его часть была прозрачной, потом шла полоса молочно-белого цвета, который через радугу переливов превращался в самый черный, какой Джарсин когда-либо видела в жизни. Это была даже не чернота, это было полное отсутствие чего бы то ни было, хотя бы тени, которая, как всем известно, отбрасывается пронизывающим весь космос светом звезд, неугасимо горевших, поддерживающих Мироздание. Эта чернота свидетельствовала – существует нечто, где нет ничего, нет даже пространства, пустоты или самого времени, которые присущи миру. Эта часть Камня в последние три сотни лет нравилась Джарсин более всего.

И тут не отставший от хозяйки Кнет отполз на коленях к стене, пытаясь замотать себе голову и уши лапами камзола, потому что знал, что сейчас должно произойти. Джарсин проследила за шутком, потом села в единственное тут кресло, установленное в малоприметной нише, откуда тем не менее было видно со стереоскопической резкостью и ясностью все это место: трещинки в стене, каждую пылинку в воздухе, каждую каплю дождя, упавшую сверху, и даже открытое небо над головой.

Посидела немного, вникая в состояние пространства вверх. Наконец, медленно, словно боялась ошибиться – хотя ошибки быть не могло, она занималась этим не реже, чем раз в два-три месяца с тех пор, как поселилась в замке, – принялась читать заклинание, вызывая в себе образы проговариваемых древних и сложных слов, обозначающих еще более сложные понятия, схемы и символы.

И тучи над центром комнаты сгустились, заиграли наслоениями света и теней, переплелись, будто наверху стал крепнуть ветер, почти неосязаемый в этом помещении, а затем

потемнели, и впервые ударил сполох молнии, разрядившейся между тучами, еще не касаясь этой земли и замка Джарсин.

Это было непростое волшебство, Джарсин сидела не шелохнувшись, слова сами возникали в сознании и так же уходили, подчиняя мир, обращая его в место воплощения ее воли, ее власти, но это требовало и выучки, и времени. Немалого времени, хотя архимагичка его и не чувствовала сейчас. Наконец, молнии ударили ближе и ниже, почти над замком. И вдруг... Небесный огонь странновато медленно вылился из клубящихся, кипевших уже избытком энергии туч прямо на замок, на эту комнату, выстроенную именно для того, чтобы он мог приходить сюда... Огонь, ярко переливаясь, прошелся по золотым цепям, но стек куда-то вбок, Камня он еще не коснулся.

Джарсин договорила заклинание и стала ждать, молнии только набирали силу. Наконец-то, о наконец!.. Одна из них, самая дерзкая, ударила в Камень, как и должно было произойти... Удар был оглушающий, если бы Джарсин была обычным существом, она бы не пережила этот удар. От него, казалось, закачались стены, заплясали бешеными рывками тяжелейшие и крепчайшие цепи, и сама скала, на которой стоял замок, содрогнулась от силы этой молнии. Она ударила в Камень... и ничего не произошло.

Джарсин не поверила своим глазам, которые сумела не закрыть даже перед молнией или закрыла лишь на крохотный миг, который не имел значения... Камень тоже дрожал от удара, при этом казалось, что он даже немного изменил свою форму, но Джарсин знала, это лишь видимость, это обман, она проверяла когда-то, тысячи лет назад, когда впервые увидела этот эффект, потом снова не раз проверяла – Камень оставался таким же, не изменяясь ни на йоту, ни на крошечную свою частичку. Но не это сейчас было важно.

Джарсин позвала, но он, Камень, висевший в центре, не отозвался! Он должен был вспыхнуть огнем, иногда цветного, иногда ослепительно белого цвета, иногда почти таким же черным, как и та чернота, что покоилась в его крае, напоминающем формой нос теленка. А потом в разные стороны, словно бы стен из гранита не существовало вовсе, должны были разлететься искры и поплыть над миром, видимые лишь магическим взглядом, каждая в свою сторону, возможно заранее predeterminedенную ей судьбой... А разлетевшись по миру, даже мельчайшая из искорок находила того, в ком могла бы сохраниться, находила сущность, которую избирала, будто обладала сознанием, и меняла это существо... Делая его необычным, ярким, талантливым даже...

Собственно, как искры меняли того, в кого попадали, оставалось загадкой. Тут все зависело от цвета искры, и что за существо она избирала, и к чему у этой... живности имелась склонность, каков был характер или к какой расе она принадлежала. Бывали случаи, когда искры избирали даже неразумных животных или полуразумных, таких как грифоны...

Тогда за ними можно было наблюдать. Переживать всю их жизнь, сидя в этой же комнате, или в зале с зеркалами, или порой даже вовсе не в замке, а довольно неожиданно, например, объезжая поля окрестных крестьян, над которыми владычествовала Джарсин и ее орденцы, в карете, в портшезе, или даже за ужином, который для нее, конечно, устраивался торжественно и пышно. Хотя сама Джарсин гостей почти никогда не приглашала, да и некого было тут, в Безвременье, приглашать, а из Нижнего мира приглашать было слишком сложно, и не заслуживали все эти правители из Нижнего, чтобы она обедала в их присутствии...

Искры позволяли ей, как и остальным архимагам, наблюдать жизнь этих вот незначительных, смертных людишек, эльфов, карликов или прочих... Даже змееподобных существ с далеких Мокрых островов, или похожих на камни троллей, или обитающих в подводных поселениях русалов, или драконовидных полуразумных тварей из южных земель, о которых не знал ни один географ, где с ними, с драконоидами, вели бесконечные войны мантикоры и пегасы... Наблюдать за ними было даже не забавно, а необходимо, иначе бы существование

самой Джарсин давно превратилось в самую страшную пытку, какую только могло изобре-сти Мироздание, – пытку бесконечным временем.

Особенной властью Джарсин обладала над искрами белой и черной. Тех, в кого попада-ли эти редчайшие цвета, она ощущала особенно хорошо, чувствовала их воспоминания и страсти, их мысли, как бы нелепы и неприметны они ни были, и даже саму их смерть... Этим она и занималась все бесконечные столетия, иначе давно стала бы подумывать, как может наиболее верно и точно удалить себя из этого мира.

Да, сноп искр должен был возникнуть, молния была вполне подходящая, сильная и прямая, без всяких искривлений, которые порой в них, в молниях, возникали по неизвестным причинам. Но Камень молчал, он не отозвался ни одной, даже самой слабой, искоркой, даже самого неприметного цвета... И это было страшно.

Вернее, вот сейчас Джарсин и поняла, чего боялась все последние дни, из-за чего нерв-ничала, хотя и не хотела себе в том признаться... Она боялась молчания Камня, его покоя под ударом молнии, отсутствия искр, высеченных небесным огнем. Она боялась, потому что знала – когда-то такое должно произойти.

Она чуть было не стала читать заклинание Грозы еще раз, но это было бы ошибкой, потому что тогда, не исключено, возникла бы такая гроза, которая могла разрушить и самый ее замок... А молнии еще набирали силу. Следующий удар пришелся, когда Джарсин пока-залось, что она устала ждать. Удар тоже был правильным, хорошим, точным, ослепитель-ным и оглушающим.

Но Камень снова промолчал, не издал ни одного блеска, хотя бы случайно похожего на искру. Джарсин не замечала, что сидит в своем кресле, обдаваемая сплошным потоком дождя, скорчившись, сжавшись в комок, хотя никогда прежде не боялась дождей... Она сидела и ждала, потому что в предсказании Берты Бело-Черной Созидательницы было ска-зано: когда молнии ударят в Камень трижды и он трижды не отзовется, тогда надеяться уже не что.

Третий удар пришелся вскоре после второго. И снова Джарсин не увидела искр, не увидела ничего, что могло бы ее хоть немного утешить. Она поняла, что Камень умер. И это означало, что ее прежнего мира больше нет.

2

Джарсин выбежала из покоя, в котором наколдовывала молнии. Такой ее никто из живущих в замке еще не видел! Служанки, стоящие на нижних ступенях и ожидающие, не понадобятся ли они Госпоже, в ужасе разбежались. Кнет выкатился за ней следом, но лишь сжался на ступенях, так что Джарсин, заметавшись на верхней площадке, об него чуть не споткнулась, и тогда она ударила его ногой, не понимая, насколько была сильной и резкой, но это отлично понял сам шут, когда со сломанными ребрами и, кажется, вывихнутой рукой, откатился на порог комнаты Камня и замер, задохнувшись от боли.

Хозяйка, едва заметив это, ринулась вниз, потом по анфиладам проходов и залов, о которых тут же забывала, и волосы ее, растрепанные бурей, развевались как у безумной. Да она и была в тот момент безумной, глаза ее горели неземным огнем, так горят только глаза драконов на старинных шпалерах, так светятся рубины при совершении над ними магических ритуалов, так могут гореть и уголья, если их раздувать горном.

Она бежала, ни на что не обращая внимания, она знала только одно: прошлое умерло вместе с Камнем! Ее гнал страх, невыносимый, не понимаемый простыми смертными ужас, что вот теперь со смертью Камня, изменилась сама структура ее, Джарсин, присутствия, власти в мире, и никто, даже она сама, не понимает, не может знать, как теперь будет дальше и что из этого получится.

Наблюдательница неслась по замку, словно смертоносный вихрь. Некоторые из предметов мебели загорались при ее приближении от страшного, чудовищного выброса магической энергии, которая истекала из нее вместе со страхом. Многие драгоценные цветы в ее оранжерее, привезенные в замок со всех концов Нижнего мира, засыхали на глазах, будто бы на них обрушился острый поток нежизни. Кони в конюшне разбивали и ломали себе ноги, пробуя выбраться из тесных денников, словно при пожаре. А она летела по галереям и залам замка в своем развевающимся бело-черном платье. Даже где-то в отдалении некоторые из людей почувствовали беспокойство и страх, не догадываясь о его причине, и особенно плохо стало тем, в ком имелась искра, кого эти искры хотя бы ненароком касались в поиске пристанища...

Лишь когда гроза в серой вышине вдруг стихла, словно была не в силах соревноваться с той мощью, которую обрушила на мир Джарсин Наблюдательница, и там, в серых тучах, установилось относительное спокойствие, она стала понемногу и сама затихать. Она будто бы впитывала теперь это спокойствие сверху, вторила ему и понемногу обретала себя в прежнем качестве архимагички, бесстрастной и непоколебимой...

И едва ли не помимо ее воли, помимо ее волнения, которое оказалось таким страшным, она начинала думать, размышлять, сначала эмоционально, чего не бывало уже многие века, но постепенно все более по-прежнему, холодно и расчетливо.

Джарсин остановилась, огляделась, она находилась в огромном парадном зале, когда-то она устраивала тут небывало пышные приемы для тех, кого почитала верными себе и своей власти. Тогда тут бывали разные существа, приведенные ее рыцарями из Нижнего мира, и даже маги, которых она могла терпеть возле себя. С тех пор прошло уже более тысячи лет, зал обветшал, его стены натекли селитрой от сырости, царившей здесь, как в глубоком подвале, вымпелы и знамена давно исчезнувших царств и армий, свисающие сверху со специальных растяжек, истлели, превратившись в серые от пыли лохмотья, даже стальные мечи и доспехи, стоящие в нишах между окнами, истаяли от ржавчины. Даже стекла в сложных и тонко сработанных переплетах из темной бронзы помутнели от прошедших веков, за ними ничего невозможно было увидеть, и непонятно было, в какую часть света они смотрели... Кажется, все же на юг, на равнины, подумала Джарсин неуверенно.

Все же она пришла в себя, поправила волосы, одернула надорванный где-то шлейф, все еще не высохший после дождя и неприятно обвивающий ноги, выпрямилась. Осмотрелась вокруг уже более осмысленно, чем минуту назад. Да, кажется, она знала, что теперь ей делать, как поступить. Она захотела позвать кого-нибудь из слуг, но быстро в ментальном режиме считала ситуацию в замке и поняла, что поблизости нет никого. Она даже сумела усмехнуться тонкими, бледными от страха и жестокости губами, ей понравилось, что все разбежались от ужаса перед ней, перед ее силой и мощью.

Джарсин пошла в библиотеку, одну из самых полных в обоих мирах, в залы, где хранили книги, о ценности которых лишь догадывались другие архимаги, книги, в которых можно было прочесть обо всем, что только придумали когда-либо разные существа, о чем когда-либо писали маги прошедших эпох. Библиотека находилась в той части замка, куда смели заходить только самые доверенные слуги, куда сама Джарсин уже стала забывать дорогу, потому что куда больше времени проводила рядом с Камнем... который теперь умер.

Уверившись, что она идет правильно, хотя и не по самому короткому пути, Наблюдательница мысленно потребовала, чтобы служанки собрались у дверей перед библиотечными залами. Для верности позвала и Хранцу, но та была без чувств, Джарсин снова про себя усмехнулась. Ей понравилось, что это случилось с Вандой, пусть знает свое место, пусть удостоверится, как сильна ее Госпожа, пусть поймет, на что способна настоящая архимагичка, если ее что-то расстраивает в этом мире... Мире без Камня.

Она уселась на свое любимое место, в кресло у высокого окна, которое умело светиться круглые сутки, несмотря на дожди или туманы снаружи. Настоящей-то смены суток в Верхнем мире, конечно, не бывало, ночь была похожа на раннее утро, а ясный день напоминал тут сумерки, но к этому все привыкли, в этом не было ровным счетом ничего необычного, ничего удивительного.

От окна пока не исходил свет, оно просто показывало северные горы, хотя находилось, разумеется, ниже этих гор, но из этого окна они казались почти обычными каменными складками, которые все же можно было обозреть живым зрением, а не магическим видением. Как это получилось, какое волшебство она, Джарсин Наблюдательница, вложила в это окно, вспомнить было уже невозможно. Она знала только, что тогда очень внимательно относилась к своему прозвищу и доказывала его везде, где только получалось, вот и с этим окном так вышло. Теперь она просто сидела под этим окном чаще, чем где бы то ни было еще, кроме комнатки с Камнем... Но и это теперь придется, кажется, изменить.

Джарсин позвала Ванду еще раз, та уже пришла в себя, какие-то служанки растерли ей виски винным уксусом с пахучими солями, скоро она сумеет отозваться на зов. Тогда Наблюдательница попробовала вызвать Кнета. Странное дело, без этого шута она чувствовала себя неуютно, словно бы оказалась неподобающе одетой, а ведь, выдвывая перед ней свои коленца, он почти всегда злил ее... Он был в сознании, но его лечил замковый лекарь, какой-то полугном-полуэльф, что было редчайшим сочетанием, эти расы ненавидели друг друга и беспрерывно воевали, но лекарем он был неплохим. Сейчас лекарь, имя которого Джарсин не помнила, может, и не знала никогда, накладывал шуту магическую повязку, которая должна была вылечить его за несколько часов. Если бы Джарсин захотела, то и сама сделала бы то же самое с Кнетом, только рука у него вернула бы подвижность и ребра срослись за считанные минуты, но стоило ли? Пусть Кнет пока побудет без нее, вернее, она – без него.

Она стала вспоминать, где может быть описание всего того, что Берта Созидательница Бело-Черная делала, когда выдумала свой Камень, тот самый, что висел теперь в комнате-колодце на золотых цепях совершенно бесполезно и бессмысленно?... Так, об этом можно прочитать... Джарсин не сразу поняла, что не помнит уже языка, на котором были эти трактаты писаны. Ох и многое же придется ей теперь вспомнить, если она хочет вернуть Камень, привести мир в тот вид, в каком она привыкла его видеть вокруг себя.

Чтобы до конца успокоиться, она поднялась и взобралась на лестницу в дальнем углу зала, где находились самые редкие кодексы и гримуары невероятной толщины, написанные писцами, от которых теперь даже костей не осталось. Хотя как Джарсин где-то читала, кости сохраняются лучше всего остального, чуть ли не дольше, чем жила она сама. Но книги-то эти были писаны еще до ее рождения, и только магические заклятия не позволяли истлеть страницам из телячьей кожи...

Книга, которую она наконец выбрала, была огромной, тяжелой, Джарсин с ней едва справилась. Но все же справилась, донесла до резной подставки для чтения... Когда-то она читала тут многое, и не исключено, с удовольствием, теперь же на подставке было чуть не с палец пыли. Она со злостью посмотрела на это безобразие, но что же делать – она сама запретила ходить сюда кому бы то ни было без нее. Смахнула пыль рукавом, белое полотно, испорченное дождем и опаленное взрывом ее эмоций, теперь стало еще и грязным. Но думать об этом было... легкомыслием, которого архимагичка не хотела себе разрешить. Она уселась на почти такой же пыльный, как и подставка, диванчик, подложила под спину несколько подушек, которые наполовину истлели с того времени, когда ими пользовались последний раз, и принялась читать.

Книга повела речь о том, как и почему нужно было создать Камень. Что из этого проистекало в магическом плане, и как это изобретение Берты Созидательницы отозвалось на судьбе царств, где верховодили архимаги в целом, и как каждый использовал свою власть в отдельности. Философией это было, не более... Джарсин перелистала несколько десятков страниц, ничего конкретного не нашла. Она поднялась, сбросила первую книгу – и нашла фолиант чуть более поздний и чуть менее тяжелый.

Тут объяснялись принципы геополитики, давалось описание владений Вильтона Песка, даже имелся его портрет... Интересно, подумала Джарсин, для кого это писалось?... Явно, что не для нее, потому что она-то помнила про Вильтона все, или, по крайней мере, все важное, в этом она была уверена. Вильтон, архимаг с сильными задатками некроманта, похожий на скелет, любивший носить кровавые плащи и зачем-то поднятые острыми шипами подкладные плечи, отрастивший в юности себе хвост, чтобы напоминать Владыку преисподней, даже рога себе приделавший, чтобы пугать слуг и разных смертных... Чудак, но как же он бывал иногда силен, тем более что под его властью находились искры серая и желтая. Он занимал значительную часть мира, вот только обезлюдела она в последнее время, слишком многих он забирал в Верхний мир, чтобы служили ему непосредственно и чтобы он не скучал, устраивая любимые им голодоморы и пандемии... Пустая растрата живого материала, подумала Джарсин и перевернула несколько страниц разом, до следующей главки.

Марсия Клин, архимагичка со специальностью управления магией случайных событий, очень сильная, уверенная в себе и своем искусстве, вот только не изжившая некоторые издержки женственности. Стерва, дрянь и вздорная спорщица, никогда ни с чем не соглашается. Да, по книге получалось, что живет она уж чуть не дольше самой Джарсин, с ней всегда приходилось считаться, потому что верховодила она искрами красной и синей, а это испокон веков были цвета войны и насилия. Цвета крови и самых ужасных катастроф, какие только можно вообразить даже тренированным в жестокости архимагам.

Рош Скрижаль, один из немногих, кто пользовался, кажется, подлинной любовью смертных, которые о нем знали или хотя бы догадывались о его существовании... Таких было немного, но все же они были. Потому что он не очень-то и скрывался от них, питая к смертным какую-то патологическую приязнь. Тихоня, любитель почитать книжечки, поучить историю народов, всех этих эльфов, карликов, людишек, троллей, гномов, историю, которую он, бывало, сам же и создавал... Невнятный тип, но силен, это следовало признать. Владелец искр голубой и зеленой, как правило, хотя, случалось, к нему залетали и иные, вот только красных никогда не бывало. Как-то его любовь к деревьям плохо сочеталась с крас-

ным цветом, а у него, сказывали, даже замок был выстроен из дерева и украшен такой резьбой, что почитался среди знатоков непревзойденным шедевром. Все равно дурак, решила Джарсин, хотя и умный при том.

Потом шло описание владений и предпочтений Сары Хохот, Норы Поток и самого загадочного из всех архимагов – Августа Облако, любителя людей, повелителя коричневых искр, занимающего немалое пространство в мире, потому что люди – странный, любопытный, хотя и очень недолговечный народец – умели проникать всюду, чем существенно отличались от прочих, и даже умели на новых местах устраиваться, причем неплохо, получая немаловажные роли и посты в местном управлении. Да и вояки из них выходили неплохие, хотя... Дальше было не слишком-то интересно.

Джарсин закрыла книгу, скинула и ее на пол, потащила в тот же угол зала за новым кодексом. Оказалось, память подвела ее: все, что ей было необходимо, находилось совсем в другом труде, теперь-то она была уверена – в кодексе, который, по слухам, был написан со слов самой Берты. Она снова взобралась на самую высокую ступень передвижной лестницы, дотянулась до самой высокой полки и стащила уж совсем древнюю книгу, ее переплет был обуглен, часть страниц кто-то вырвал, а медные застежки оказались сплошь сломаны. Она все же стащила ее вниз, разложила на подставке, снова стала читать, хотя половину слов, которые ей встречались, уже не помнила.

Тут имелось введение, трактующее мир таким образом, что, если мага или даже архимага забывали люди, он истаивал, истлевал подобно знаменам в пиршественном зале, на что Джарсин про себя усмехнулась. Но мысль была почти новой для нее, вернее, не абсолютно новой, конечно, она знала об этой идее ранних магов, но как-то над ней не раздумывала. А что же будет, вдруг пришло ей в голову, если теперь без Камня мы не сможем насыпать на смертных искры? Что же получится, если эта идея окажется хотя бы отчасти правильной?

И тогда она поняла, что желает вернуть Камень еще больше, еще нестерпимее, еще настоятельнее. И получить при этом больше власти, больше силы, потому что одно дело – пользоваться тем, что когда-то создала Берта Бело-Черная, а совсем другое – если она сама будет Созидательницей!

Джарсин просидела в библиотеке очень долго, пожалуй, поболее недели, обдумывая свои шаги в последовательности, которая позволила бы ей не наделать ошибок. Во-первых, не поссориться с остальными архимагами или поссориться хотя бы не со всеми сразу, потому что было ясно: если уж ей пришло в голову, какой сильной она станет для этого мира, если сумеет воссоздать Камень, то и другие об этом подумают, когда поймут ее замысел. И второе, что не нравилось ей, – слишком многое должны были исполнить слуги, ее подчиненные, ее рабы, потому что появляться в Нижнем мире она не хотела ни в каком качестве, ни в какой маскировке. Это не просто уронило бы ее достоинство, но и сделало бы на время посещения Нижнемирья страшно уязвимой, настолько, что только дурак не воспользовался бы возможностью уничтожить ее, просто на всякий случай, потому что там это было легко сделать любому архимагу, даже самому слабому из них, вроде Августа Облако.

Ей приносили еду в библиотеку, она даже разрешила разжечь камин, потому что временами начинала мерзнуть, чего с ней не случалось уже много веков, и все думала, читала, перебирала варианты своих действий и противодействия им других, враждебных сил. Получалось все довольно сложно, даже нелепо-сложно, но возможно и исполнимо, в чем Джарсин убеждалась все вернее, чуть не с каждым прочитанным кодексом и с каждым днем, проведенным в размышлениях.

Наконец она решила, что готова или почти готова. Она вызвала к себе Торла и Ванду. Кнет давно уже прибил к ней сам, хотя мог бы и не являться, толку от него было мало в той работе, которую она уже проделала и которую собиралась продолжать. Когда Торл и Хранца почтительнейшим образом доложили, что ожидают распоряжений, она оттолкнула –

наконец-то! – последнюю из читанных книг и сказала охрипшим от недосыпания и усталости голосом:

– Ванда, готовь Прорицание, и смотри, чтобы на этот раз оно было точным и подробным, самым подробным, как только сумеешь. Торл, открой лабораторию, я вынуждена буду снова взяться... – она даже сумела улыбнуться, хотя от ее усмешки Кнет спрятал лицо в ладонях, – взяться за практическое колдовство. Ванда, вот что еще, когда сделаешь, что нужно для Прорицания, ступай в сокровищницу... Нет, туда мы пойдем вместе. – Джарсин тяжело поднялась с диванчика, на котором сидела все эти дни, и почему-то мигом почувствовала, какая же она грязная и неопрятная. Оказывается, она забывала все это время мыться, и даже руки у нее были по локоть в вековой пыли и паутине от книг. – Да, пожалуй, начнем с сокровищницы, вот только сначала в баньке ополоснусь... Значит, так – сначала в баню, потом в сокровищницу. У меня имеется там нечто, что нам понадобится.

3

Торл ступал так тяжело, что Джарсин решила оказать старику уважение, оглянулась на него и подняла бровь. Старик когда-то был человеком, сейчас в его лице осталось уже мало признаков этой расы, он походил на морщинистого и древнего гнома, вот только не с ладонь величиной, как они обычно бывают, а ростом почти до пояса самой Наблюдательницы. И борода у него была не совсем гномья, скорее карличья, окладистая, неопрятная, плохо расчесанная и с застрявшими в ней крошками, если приглядеться. Впрочем, с неожиданной брезгливостью подумала Джарсин, если приглядеться по-настоящему, в ней и вши обнаружатся – не просто старым стал Торл, но и грязным. Это был бич людишек – неопрятность и малочувствительность всех органов в конце жизни.

Можно было бы его омолодить, сделать более подвижным, вернуть гибкость суставам, притом что голову старика, опытную, многодумную и когда-то светлую, талантливую, можно было бы тоже подновить – прочистить сосуды, снабжающие мозг кровью, восстановить кое-какие нервные узлы и ткани... Пожалуй, тогда бы более сорока лет ему никто из непосвященных не дал. Вот только теперь, когда многое, очень многое должно было в мире измениться, Джарсин решила этого не делать. Она найдет себе нового советника, лучше приспособленного к грядущему новому миру, что непременно возникнет согласно ее замыслу. Нет, на самом-то деле, если уж она берется за этот труд, не может же не получиться, чего она желает?!

А Торл что-то почувствовал, научился за свои два-три столетия жизни читать ее настроения и самые отчетливые мысли. Он даже решился заговорить, пока они спускались в темные, освещенные лишь редкими факелами коридоры, которые вели в такие подвалы, где и крыс уже не было, Джарсин их не любила и несколько раз пыталась извести, вот и не водились здесь крысы... О том, что тут и обычный смертный мог задохнуться, если его продержат чуть подольше, она не думала – знала с уверенностью.

Все же коридоры освещались тут не зря, Хранца хоть и вредная, как скорпиониха, но дело свое знала получше многих, пожалуй, ее-то уж можно будет пока не менять, как Торла. Все же догадалась, не сама побежала открывать сокровищницу, а послала кого-то, и незаметно это сумела проделать, вот факелы и горят... И все же хвалить ее не следует, пусть думает, что выполняет лишь то, что должна, иначе... И до повышенного самомнения додумываться станет, а зачем это? Вдруг ее тоже менять придется? Со смертными или даже с полумагами, как Торл и Ванда, в которых гордость просыпается, всегда какая-нибудь лишняя канитель возникает...

Коридоры становились все уже, теперь не до соблюдения этикета стало, и Наблюдательница пропустила вперед Ванду. Та не подвела, по-прежнему повела их уверенно и, пожалуй, правильно. То, что правильно, – это Джарсин и сама чувствовала. В одном месте притормозили, когда-то тут стояло защитное приспособление, то ли камень на цепи сверху падал, чтобы раздавить непосвященного гостя, то ли просто мечи рубили всех в куски. Только теперь ловушка не работала, слишком давно ее сделали, изржавел механизм. В другом месте стояла довольно любопытная старой работы сигнальная машинка, но сейчас Ванда ее очень толково отключила. Нет, все же молодцом она была, хоть и не всегда, но на этот раз не сплеховала.

Немалые, высотой в десять локтей, ворота закрывали сокровищницу, как и прежде, надежно и плотно, между ними и лезвие ножа невозможно было просунуть. Ванда звякнула тяжелыми бронзовыми ключами, которые прежде несла, заботливо сжав в кулаке, чтобы не звенели, знала, что это может не понравиться Госпоже. Три ключа, на которые она имела право, она вставила и повернула сама, бронза, почти не стареющая даже в этом сыром воздухе, уверенными щелчками с едва слышимым звоном открыла три замка. Последний сереб-

ряный ключ Ванда передала Джарсин. Та его сначала осмотрела, при желании, она могла бы считать по нему, когда ходила сюда, и даже за чем именно ходила. Но не стала этого делать, сейчас было не до того.

Хранилище открыла Ванда, которой помогали Торл и Кнет, вот он-то был силен и ловок, справился в одиночку с левой створкой, хотя в прежние времена, когда тут еще держали каменную бабу, которую Джарсин украла с какого-то древнего кургана и оживила, чтобы поставить у этих дверей, даже она, медлительное существо с преувеличенными животом и грудями, но с короткими и мощными руками и ногами, больше похожими на звериные лапищи, – даже тот голем кряхтел и крошился, когда исполнял эту работу. Куда подевалась та каменная баба, Джарсин, конечно, не знала, скорее всего, когда она уже стала трескаться, ее сбросили в пропасть, как и все остальное ненужное и изжившее свое.

Сокровищница оказалась не такой большой, как ожидалось, или Джарсин забыла ее настоящие размеры. Было время, когда она, еще увлеченная своей силой, получив подлинное могущество не только в Нижнем мире, но и тут, собирала, сколько могла, все артефакты, все магические частички прошлого, оставшиеся со времен Берты Бело-Черной. А добывать их иногда приходилось весьма сложными путями, потому что наложить на них лапу пытались и другие архимаги. Впрочем, теперь-то она могла с удовольствием признать, что у нее собрание раритетов было больше, чем у всех остальных архимагов, вместе взятых.

Джарсин обострила свое зрение до способности видеть в темноте, и тогда от двух факелов, тускло горевших перед дверями в сокровищницу, свет сделался достаточно ярким, чтобы она увидела...

Доспехи Корсуна Императора, тяжкие теперь, хотя и небольшие, в них мог бы забраться и Кнет, и они оказались бы ему, пожалуй, маловаты. Великий создатель первой Империи был всего-то шести футов росточком без одного дюйма, едва ли не карлик... И вся сила его заключалась в том, что доспехи эти на нем, и только на нем, теряли две трети своего веса, что позволяло ему двигаться быстрее любого противника, да еще, пожалуй, они очень хорошо, без осязательного толчка, гасили каждый удар. Когда-то одна из подручных Наблюдательницы изучала это их свойство, но так ни до чего и не додумалась, недаром Джарсин от нее как-то избавилась... Нет, не убила, но сослала навечно вниз, к смертным, где жизнь всегда была конечной и истаявала за считанные десятилетия.

Непобедимое Знамя, под ним воевала какая-то армия карликов, которые вздумали отстаивать свое неподчинение одному из архимагов. Они добились немало, у них до сих пор имеются какие-то земли, где они правят почти как суверенное племя, вот только кому они нужны, если для того, чтобы они доставляли золото и драгоценные самоцветы, хватает всего-то договоренностей и купцов, которые возят туда разные иные товары. В общем, Знамя все равно может пригодиться.

Набор Возвращающихся кинжалов, тоже неплохая штука. Если такому кинжалу правильно, с соблюдением несложной магии нашептывали имя, кого следует убить, а потом отправляли в Нижний мир, он действовал самостоятельно, переходил из рук в руки самых разных существ, пока кто-то из них не убивал того, кого нужно. А потом исполнившему задание кинжалу удавалось вернуться, таинственными путями магии Несбыточного, когда его приносил в замок или кто-то из путников, даже не понимая, почему он решил его продать именно Наблюдательнице, или на своем поясе наемник, который решил поднаться в ее стражу, или иным образом. Они лежали завернутые в кожу, под толстым слоем густого масла, чтобы не старели и не ржавели. На миг Джарсин захотелось проверить, правду ли говорили, что их и точить не нужно, но не стала этого делать: подобрав кинжал, его почти обязательно следовало пусть в ход, а у нее пока такой потребности не было.

Колба Моря Разливанного, страшноватое оружие, на вид просто стеклянная химическая колба, вся в потеках каких-то реактивов не только снаружи, но и внутри, где плеска-

лась какая-то на редкость легкая, почти неуловимая, едва видимая глазом жидкость. Стоило эту колбу оживить, а потом вылить куда-то, как именно в это место начинали собираться все дожди, и туда же устремлялась вся вода в округе... Бывало, что и реки после применения этой штуки изменяли русло, если могли это совершить, и чудовище-Океан вдруг прорывался, но всегда, в любом случае вся та местность, куда были брошены хотя бы считанные капли жидкости из Колбы, оказывалась затоплена на многие годы... Хотя точное, меткое ее применение было невозможно, всегда получалось не вполне то, что задумано, и ничего с этим было не поделать.

Но теперь, как с удовольствием думала Джарсин, это искусство можно обновить, когда она воссоздаст новый мир... Кто-то за ее спиной подал голос, Джарсин в гневе обернулась.

– Я говорю, – тут же быстро произнес Кнет, – много тут силы, даже макушку у меня покалывает, Госпожа.

Шут явно защищал кого-то, пожалуй что Торла, сердобольный он, никак его не поймешь.

– Давно тебя не пороли? – спросила она, уже понимая, что не сумеет вновь, как только что у нее было, полюбоваться своим собранием магиматов.

– Пороли недавно, – с готовностью доложил Кнет, понимая, наверное, что на этот раз останется ненаказанным, – даже рубцы еще не зажили. Но ведь говорят гномы – поротым быть несладко, зато до следующей порки можно передохнуть.

– Ты это о чем? – не поняла Ванда, спросила, впрочем, шепотом.

– Так ведь мы все от грозы еще не очухались, – с готовностью сообщил Кнет.

– Не всякая поговорка умна, – сказала Джарсин. – Есть и обычное гномье пустозвонство.

– Так шут и должен пустозвонить, кто же к нему прислушивается?..

Болтовня Кнета была почти кстати, все же делом следовало заниматься. Джарсин прошла едва не в самый темный угол, постояла перед небольшим столиком, где под стеклянными колпаками лежали медальоны Прямого Подчинения. Сильные артефакты, вот только их подлинную силу не знала и не понимала даже она сама.

Медальоны были разных размеров, а в центре каждого, сделанного порой очень искусно, а иногда и очень неровно, едва ли не грубо, из разного же металла – из серебра, железа, золота, олова, платины или простой бронзы, – имелся на вид недорогой цветной камешек. Сейчас они спали, но и в темноте под взглядом архимагички вдруг затлели едва различимыми пока оранжевой, красной, синей, зеленой, голубой искорками. Всего их было девять, но почему-то медальоны с желтым и фиолетовым, серым и коричневым камешками оставались темными, немymi, неяркими. Неужто и медальоны не выдержали тысячелетнего заточения?

Джарсин провела над ними ладонью, выплескивая свою энергию, проверяя медальоны на действенность, на способность ожить и исполнить ее волю. Нет, вроде бы все были насыщены магией, где-то жили смертные, которые подпитывали эти камешки своей жизнью, в свою очередь, как казалось Джарсин, питаясь от них неведомыми остальным смертным силой и талантом. Все же с ними следовало обращаться очень аккуратно.

– Госпожа, – хриплым от малопонятного волнения голосом заговорил Торл, – если я правильно догадываюсь, что ты хочешь сделать, тогда я...

– Тебя кто-нибудь спрашивал, Торл? – отозвалась Наблюдательница. Спросила лениво, едва ли не добродушно промывчала вопрос, но все, кто был в сокровищнице, затрепетали, потому что именно таким тоном она отправляла неугодных ей слуг на конюшню, где их запарывали до смерти или вовсе живьем сбрасывали в пропасть.

– Я много читал в последнее время, Госпожа...

– Потому что ни на что другое у тебя уже нет сил, Торл? – поинтересовалась Госпожа.

– Я бы все же предложил тебе сделать новые медальоны из Камня, тем более что он не дает искр под молниями.

– Ты считаешь, что пользоваться этими старыми медальонами не следует?

– Именно так, Госпожа.

Долгий миг она размышляла. Вернее, она уже обдумала этот вариант действий и пришла к выводу, что поддаваться ему нельзя. Вот только не ожидала, что придется объяснять свое решение кому бы то ни было, пусть даже и старому Торлу, или наоборот – особенно непонятно было, почему ему она должна хоть что-то объяснять.

– Когда-то тебя называли мудрым, Торл, сейчас я вижу, что ты изрядно мудрость подрастратил... Как думаешь, если я попробую всего лишь отщепить от Камня кусочки, чтобы создать новые медальоны, что почувствуют другие архимаги?.. Правильно, они почувствуют, что от их власти в этом мире, как и от моей собственной, кто-то украл кусочек... – Торл попробовал что-то сказать, но Джарсин уже не склонна была с ним спорить. Она закричала так, что эхо ее голоса раскатилось по всем этим нескончаемым подземельям: – Молчать, Торл! – Она взяла себя в руки. Добавила спокойнее: – Молчать. И слушать. Когда они это почувствуют, как ты полагаешь, задумаются ли они над тем, зачем мне понадобились эти кусочки? Правильно, они, скорее всего, дойдут до правды, поймут истинное положение дел. А если они подумают еще чуть, тогда сообразят, что я задумала. И не сочтут ли они после этого, что пора сбросить мою власть над ними и самим воссоздать новый Камень?

Тяжкое молчание было ей ответом. Джарсин знала, что действует правильно, просто потому, что знала это наверняка и была в себе уверена. Поэтому она закончила просто:

– Ванда, забирай медальоны, отнеси их в лабораторию. Там мы проверим, насколько они сохранили свою силу. – Она повернулась к Торлу, который стоял и дрожал, по крайней мере ноги у него под длинной, расшитой серебряными звездами хламидой ходили ходуном. – Ты, старик, провинился, поэтому закроешь сокровищницу, сегодня мне тут больше ничего не нужно... Один закроешь, хотя бы на это ушел весь остаток твоей жизни. Потом принесешь ключи Хранце.

И вдруг Торл снова раскрыл рот. Он сказал:

– Я думаю лишь о твоей пользе, Госпожа. – Она чуть не сожгла его взглядом, который горел, как камни в медальонах, медленным, горячим пламенем, только один глаз у нее был черный, как уголь, а другой белый, словно свежий снег. Но Торл продолжил, и это было проявление недюжинного мужества, некогда свойственного ему, когда он был еще человеком. – Что же касается архимагов, моя Госпожа, они все равно узнают о твоём новом замысле очень скоро.

– Он никогда не давал тебе плохих советов, Госпожа, – сказал Кнет. – Его стоит послушать, пусть тебе и не нравятся его слова. Такое уже случалось...

– И ты туда же, дурак? – удивилась Джарсин. И вдруг поняла, что Торл хочет сказать что-то еще. – Ладно, старик, что ты еще надумал? Говори.

– У тебя много дел, Госпожа, проверить медальоны могу и я... Сумею. – От волнения у него даже лицо изменилось, стало моложе и сильнее, почти таким, каким он бывал прежде, в свои лучшие годы. – А ты можешь заняться Прорицанием, которое подготовила Хранца.

– Ого, в собственном замке мне говорят, чем я могу заняться, а чего мне делать не следует. Да как ты смеешь, Торл, после всего, чему я тебя обучила?..

И вдруг она решила быть благосклонной. Такое с ней, как заметил Кнет, и прежде случалось, правда, очень редко, но случалось. Непонятное ей самой ощущение общности с этими... тремя смертными оказывало и на нее, на Наблюдательницу Джарсин Бело-Черную, свое почти парализующее действие. Она пожала плечами:

– Хорошо, если ты уверен в себе, поручаю заняться медальонами. Но если ты хоть что-то напутаешь, это будет последней твоей ошибкой, ты меня понял? – Торл медленно, по-ста-

риковски поклонился. Джарсин решила, что это будет неплохой проверкой для ее советника, тем более что она почему-то не сомневалась – если он сумеет, если не забыл законы магии, то все сделает едва ли не лучше, чем она, и гораздо тщательнее, потому что теперь от этого зависела его жизнь. – Тогда ты, Хранца, с помощью Кнета закроешь двери хранилища, даже серебряный ключ сегодня я доверяю тебе, а затем мы займемся Прорицанием... Торл, когда управишься тут с Вандой, отправляйся к моим генералам, пусть они приведут ко мне лучших рыцарей, дюжины четыре, а затем необходимо устроить маневры Ордена, с конными атаками и всеми прочими воинскими премудростями... Это должны быть такие маневры, после которых ни у кого не должно оставаться сомнений – скоро предстоит война. – Она еще раз осмотрела слуг и сама же удивилась своей милости к ним. – Удивительные времена настали, я слушаю вас, будто вы понимаете не меньше моего... И я стала к вам едва ли не добра, уж и не знаю, что обо всем этом думать?

Она повернулась и пошла вверх, шурша новым длинным бело-черным платьем со свежим, неизорванным шлейфом. Неожиданно она захотела есть, лучше всего стейк с кровью, к которому лишь чуть добавлено зелени. В конце концов, пока все было в ее власти. Если повара ей не угодят, можно будет наказать их, а не Торла верного и умелого.

4

Гадательная комната Ванды была похожа чем-то на обыкновенную умывальню, Джарсин всегда раздражала эта похожесть, но поделать она ничего не могла, действительно не могла, по всем канонам магии Предвиденья здесь должно было нравиться не ей, а именно Ванде Хранительнице, прорицательнице. Правда, Джарсин всегда думала, что как пифия Ванда не очень глубока, или, наоборот, возвышенна, или точна, или дальнзорка. Она сама, Наблюдательница, могла бы исполнять эту роль не хуже, а лучше, чем Хранца, но приходилось в этом искусстве довериться ей. Потому что серьезное Прорицание требовало такой тонкой настройки, такой бездны энергии, отнимало у любого мага столько сил, что за всю историю не было замечено ни одной прорицательницы, которая преуспела бы в других магиях. Потому-то Джарсин и приходилось жертвовать этим даром или наказанием Пресветлых богов в угоду прочим своим достижениям.

Посередине комнатки, выложенной простыми плитами из синеватого и зеленоватого мрамора, разбавленного белыми вставками, находился Колодец испарений, иногда оттуда исходили очень необычные запахи, а порой такие, что даже Наблюдательнице с ее-то выносливостью и железным желудком делалось плохо. Над Колодцем возвышалось сделанное из бронзы и драгоценных пород дерева широкое кресло, обитое к тому же мягкой кожей с упругой подкладкой, от которого и Джарсин бы не отказалась.

Кресло крепилось к треножнику, к которому вели три выложенные грубым гранитом тропы, обрывающиеся над уходящим в бездну Колодцем. Все сооружение казалось и хрупким, и на удивление надежным, хотя чем это было вызвано и почему рождало именно такие мысли, Джарсин уже не помнила. Не знала это и сама Ванда, появившаяся в замке более чем через полтора тысячелетия после того, как это сооружение было воздвигнуто и опробовано первыми предсказательницами Джарсин. Кстати, по молодости лет она отбирала предсказательниц по своему вкусу и лишь много позже поняла, что это было неправильно, Колодец со временем сам научился требовать к себе смертных служительниц, с которыми ему было проще, которых он легче и точнее умел вводить в транс.

Такое в замке Джарсин случалось сплошь и рядом, вещи, которыми она постоянно пользовалась, напитывались магией, и у них возникали собственные умения, едва ли не желания, как у живых объектов. Иногда в своих снах, которые Джарсин не любила и от которых почти научилась избавляться, ей виделось, что ее уже почему-то нет в замке, а все ее магматы, все магические приспособления и артефакты вдруг обрели способность не только жить самостоятельно, но и общаться друг с другом, соединяться в достижении каких-то непонятных для нее целей, а то и враждовать между собой.

На этот раз Ванда подготовилась хорошо, хотя еще и не вполне окрепла после того приступа, который у нее случился во время колдовства Госпожи с молниями и Камнем. Джарсин устроилась на диванчике, стоящем в самом звонком месте помещения, тут отлично слышались все слова, вздохи или даже всхлипы Ванды. Около него уже пристроился Кнет, как часто с ним случалось, он проявил инициативу – приготовился писать то, что могла во время сеанса произнести прорицательница. Вот это уже могло быть опасно, потому что все, что было где-то когда-либо написано, можно было посредством магии воссоздать в специально изготовленных, так называемых Белых книгах, как будто это было написано именно в них. Джарсин сама когда-то баловалась этим приемом, пока не устала от этой забавы, а вернее всего, устала от слишком многого, почти безбрежного чтения.

– Писать не нужно, – бросила она шуту.

– Как же ты, Госпожа, сопоставишь все то, что она обыкновенно тут лепечет? – сделал удивленный вид Кнет. Не мог, мерзавец, без придуривания. – У нее же сразу ничего не пой-

мешь и, лишь когда перечитаешь ее слова раз двадцать, начинаешь хоть до малой крупницы понимания доходить.

– Умолкни.

Ванда переделалась в белое, простое платье, доходящее до пят. Под ним она была уже голой, вымытой в каких-то благовонных водах и умащенной растираниями, которые одуряюще пахли даже через те двадцать шагов, которые отделяли ее от Джарсин. Она двигалась медленно и спокойно, но архимагичке было видно, что в ней все дрожит от напряжения и она едва сдерживается, чтобы не впасть в беснование.

Она выпила большой кубок в четыре фунта чеканного золота, а что было в нем, Джарсин не знала. Прорицание требовало каждый раз от пифии особенного, подходящего только для данного случая питья. Вернее, она, конечно, знала основные компоненты – красное вино, семьдесят две капли настойки белладонны, растворенной в северной водке, изготовленной из воды ледников семи вершин горы Забытых Богов, тринадцать гранов сухой крови карлика, родившегося в полночь лунной ночи, соки двух десятков южных трав, причем некоторые были чистыми, выдавленными из растений, а некоторые требовалось настаивать на крепчайшем бренди или на уксусе, порошок из сушеной летучей мыши, мелко порубленные кусочки печени горного козла, два грана опийного мака, какая-то ужасно ядовитая соль на основе ртути и многое другое... но вот в точную рецептуру вдаваться не собиралась.

Ванда наконец-то уселась в кресло, поерзала, устраиваясь поудобнее, немного посидела, ничего внешне не делая. Но Джарсин видела, какие силы она призывает себе в помощь, и от этого хладнокровной, неустрашимой архимагичке стало не по себе. Она давно не пользовалась воззванием к Пресветлым богам, она и хотела этого – помнила, что потребовала, чтобы пифия сделала самое точное прорицание, – и страшилась, потому что боги не дают знание просто так, без своей цены, которая заранее, конечно, была никому не известна и могла быть наложена не на предсказательницу, а прямо на нее, на Наблюдательницу... Ванда воззвала к Колодцу, хотя, наверное, это было уже скорее Вызывание, немного другое направление мыслей, чувств и воли. Колодец стал отзываться.

Кнет, как у него бывало при чрезмерно решительном обращении к магическим силам, негромко завыл, но к такому его поведению все уже привыкли, потом он стал зажимать себе нос, из глаз у него потекли слезы, – видимо, запах из Колодца поднялся первой волной. Джарсин сама-то ничего еще не чувствовала, но Ванда уже стала понемногу отходить от этого мира. Она откинула голову, глаза у нее сделались белыми, руки, прежде спокойно лежащие на подлокотниках, тоже стали белыми, она вцепилась в кресло так, что сейчас ее не могли бы оторвать и орки с големами.

Она вдруг изменилась, стала едва ли не прозрачной и в то же время сделалась больше, массивнее, в ней уже не было ничего от смертного существа. Она едва ли не заполнила собой все помещение, почти закрыла сам Колодец, как пробка, как плита, надвинутая на него. Из пропасти внизу повалил довольно густой пар, странно, но архимагичка по-прежнему не ощущала его запаха.

– Сегодня мы не слишком преуспеем... – Дальше что-то непонятное, видимо, Ванда заговорила на языке, в котором даже Джарсин не понимала многих слов. – Но собраться следует на священной цифре девять. Да, девятка в этом деле, по которому вызваны священные силы, имеет наивысшее... Знак! Это и есть требуемый знак, без него не обойтись.

Ванда умолкла. Молчание затягивалось, но Джарсин была готова сидеть и слушать то, что Ванда могла бы произнести, сколько угодно. Однажды она просидела так трое суток, пока прорицательницу не унесли, истощенную и почти мертвую от перенапряжения. Кажется, тогда это была не Ванда, кто-то другой. Может быть, тогда пифия и в самом деле умерла.

В магии чисел Джарсин не любила девяток, что-то с ними было для нее неприятное связано, хотя, что же именно, она забыла. Осталась только стойкая неприязнь к самому числу. Или к знаку, которым он обозначался, ведь это последний из ряда первичных цифр... Или буквенное изображение девятки ей не нравилось?

– Неопределенность всего лишь подсказывает, но, как правило, не лжет, – сказала Ванда твердым, трезвым тоном. Вот только голос звучал не ее, а низкий, демонский, от которого и до Ведьминого крика было недалеко. – Нужен свободный поиск, и не иначе. Следует составить всех воедино, но есть условие, чтобы смертных не лишали свободы воли, тогда они сложат новый Камень как исполнение собственной цели и сути существования... Чтобы потом, позже, если удастся, присвоить его. Вот только – захочет ли он того?.. В нем будет чрезмерно много воли Богов, которых я не вижу, которые нам неизвестны.

Вот этого Джарсин не ожидала, она-то полагала, когда дело коснется смертных, она будет, как всегда, дергать их за веревочки, словно марионеток, и они исполнять все не только под ее контролем, но даже и в том виде, в каком ей заблагорассудится. А тут вдруг такое – свобода воли... И для кого? Для презренных мелких насекомых, с которыми она разучилась считаться еще тысячелетия назад... Поистине, прорицания бывают неблагоприятны, но все же их приходится исполнять, иначе они обижаются и становятся неточны, а то и действуют против наговоренного...

– Действовать должны посыльные, не ты, Госпожа, но ты и сама знаешь... Отбирать нужно, тоже сообразуясь с их силами и волей и нацеленностью на смертных. – Ванда сидела уже почти как обычно, даже слегка расслабленно, вот только пот стекал с нее так, что, казалось, она почти плавала в своем кресле, и ткань платья облепила ее будто вторая кожа... Его стало даже не видно, будто бы пифия осталась нагой, как новорожденная. Голос ее снова изменился и стал совсем иным, видимо, предсказание на этот раз оказалось удачным, и через нее говорили несколько Предвечных, или демоны, которым, как известно, открыты самые разные аспекты будущего. – Следует готовиться к войне, это будет чудовищная война, в которой магия столкнется с магией, в которой погибнет многое из того, что ныне нам знакомо... Но Камень миру необходим, и сражаться придется в любом случае.

Да, война, конечно, дело рискованное, но в данном случае Джарсин и сама догадывалась, что без борьбы, скорее всего, не обойдется. Противников у архимагички было достаточно, хотя с ее силами она не представляла, кто бы мог бросить ей вызов, кроме, пожалуй, некоторых других архимагов, и то в альянсе, в союзе между собой... Например, Вильтон мог бы создать такой альянс или даже Марсия Клин, она по любому поводу пробует сначала повоевать, а лишь потом начинает думать. И ведь очень-то глупой ее не назовешь, она по-своему умна, вот только воевать слишком любит, и смотреть, как воюют, – это у нее основное развлечение.

– Кто победит в войне? – спросила Джарсин.

– Все победят, захватив то, чего не ожидали, и все проиграют, потому что получат то, чего заслуживают и хотят.

Типичный ответ пифии, с раздражением решила Джарсин. Но она сама была виновата, она потребовала прорицания, не решив еще про себя, какой вопрос следует задать, сформулировала лишь свое требование, и то – слишком размыто, слишком неопределенно в частности. Хотя частности она видела довольно ясно, если незаметно для себя тоже впадала в состояние предвидения, вот только без транса и потери общего контроля.

– Я сумею одолеть врагов, если они найдутся?

– Самоуверенность – не то, в чем следует искать подтверждение пифии... Враги найдутся, оружие следует ковать уже сейчас, его тебе может не хватить. Хотя бы ты и полагала, что этого не случится. Великая развилка мира проявится и в этом тоже. Ее создадут не герои

и не маги, а обычные... – Дальше снова на незнакомом языке, кажется, что-то о древних богах.

Именно о древних, а не о Пресветлых, как обычно получалось при использовании Колодца и Ванды. Джарсин автоматически приготовилась обострить свою память, чтобы и через много лет при желании вспомнить едва ли не каждый звук, который сейчас выговаривала Ванда, и разобраться в этом предсказании на незнакомом наречии, но потом решила этого не делать. Прорицание все равно получалось каким-то невнятным и не слишком подробным, как ей хотелось. А спросить еще раз, по любому конкретному поводу – всегда возможно. Так что не стоило, как говорилось в простонародной поговорке, съедать весь пирог за один раз.

– Что мне следует знать определенно?

– Две вещи. – Ннеожиданно Ванда сникла, сделалась маленькой, как девочка, почти карлицей. И заговорила едва ли не с детским присюсюкиванием, это было странно, получалось, что уже третий демон высказывался через нее: – Первое. Все, чего ты добьешься, произойдет уже скоро, всего-то через десять недель или около того. Точный срок может наступить и чуть скорее, и чуть позже. На него повлияют блуждающие звезды, положение которых должно соответствовать возможной развилке мира... После прохождения этого срока состояние звезд будет не самым удачным для того, что ты задумала...

Всего-то десять недель, подумала Джарсин, менее трех месяцев. Хотя конечно, это имело значение лишь для Нижнего мира, здесь, в Безвремяе, эти недели можно было растянуть на годы, при желании. Вот только... положения звезд магии не поддаются, командовать ими не умеет никто, кажется, даже боги сложили их по единому закону и отошли в сторону, не вмешиваясь более в их знаки и в силы, которые определяют их положения. Значит, действительно придется торопиться.

– И второе. Произойдет то, что произойдет, хочешь ты этого или нет. Ты столкнешься с магией Неведомого, что всегда неожиданность и неопределенность, некоторые вещи могут остаться непостижимыми, непонятыми, неувиденными.

Да, такую штуку, как какое-либо случайное совпадение в событиях, прорицательницы могли не увидеть, не умели порой даже определить его приблизительного проявления, потому что это было уже нечто запредельное, или, как говорилось в древних трактатах, это были игры Пресветлых богов, и они не поддавались простому или даже магическому знанию и учету заранее.

Кажется, Ванда или те силы, что стояли сейчас за ней, начинали повторяться. Был, правда, еще один вариант, согласно которому ей, Джарсин Наблюдательнице, придется столкнуться с неожиданностями дважды, но это уже... Этого, скорее всего, не будет, этого просто не могло быть. Хотя второй раз она назвала это неопределенностью, но... Нет, вероятно, этого не будет, не должно быть.

Наблюдательница еще немного послушала, что говорит Ванда, а пифия определенно пошла по кругу, повторяла высказанное, что уже сложилось в сознании Джарсин в целостный план. Конечно, можно было таким образом, через многократные повторения, выяснить кое-какие любопытные детали, но стоило ли этим заниматься? Детали возникнут сами собой, не в них заключалась суть дела, которое архимагичка решила совершить. И потому в ней медленно зрела уверенность, что Ванда на этот раз не справилась с заданием, но делать нечего, следовало пока согласиться на то, что Пресветлые сочли необходимым ей поведать.

Несколько минут Джарсин даже раздумывала, не слишком ли она много взвалила на Ванду, возможно, ей следовало бы привести в замок не одну пифию, а несколько и оставить Ванду только для управления всеми хозяйственными нуждами замка, вот только... Если пифия в жизни не соприкасалась постоянно с ней, с Госпожой, это грозило другими осложнениями, слишком туманными предсказаниями и даже ошибками при их толковании. Нет

уж, решила Наблюдательница, пусть будет так, как есть. Это все же было надежно, не то что разные нововведения, а уж их-то у нее в ближайшие недели будет достаточно, даже с избытком.

Кнет тоже странно как-то заснул у подножия того возвышения, где стоял диванчик Джарсин. Он устроился в позе обиженного ребенка, и по его лицу можно было прочесть, что ему снится что-то очень неприятное или страшное. Наблюдательница поднялась на ноги, толкнула шуту ногой. И лишь тогда сказала Ванде:

– Довольно, можешь возвращаться. Ты мне опять понадобишься.

Хотя пифии полагалось бы после транса отдохнуть, но Джарсин не была к этому сейчас расположена. Она вышла из комнаты Колодца, Кнет тащился за ней, припадая на ногу, которую отлежал на твердых камнях в своем неожиданном сне.

– Госпожа, а что там было? Неужто я все проспал, вот незадача, и не знаю теперь ничего.

– Ты никогда ничего не знаешь.

– Но ведь и тебе, Госпожа, случается не знать чего-либо... Иначе бы ты не спрашивала демонов.

Вот это была уже наглость. Джарсин остановилась, повернулась и вlepила шуту крепкую оплеуху, тот отлетел к стене, захныкал, закрывшись, опасаясь новых ударов. Впрочем, ему доставалось и сильнее, и он это помнил, поэтому хныкал фальшиво, просто обозначал таким образом прощение.

Джарсин дошла до лаборатории, в которой работал ее главный советник. Тот сидел в окружении двух подручных, тоже седых, бородатых старцев, один даже был горбат от возраста. Оба согнулись в поклонах и, не разгибаясь, чтобы не обратить на себя ненароком внимание Госпожи, выскользнули в какую-то боковую дверцу. Торл поднялся, разумеется, и поклонился, в его движениях читалась усталость едва ли не больше, чем у Ванды после прорицания.

– Отвечай, медальоны способны к поиску своего соответствия?

– Они найдут смертных, на которых ты захочешь их наложить, Госпожа. Но тех, кто понесет медальоны в Нижний мир, следует проинструктировать.

– Умный сам поймет, – отозвался неугомонный Кнет из-за спины Джарсин. – Но лучше всего, конечно, с этим справился бы дурак. У дураков особенность такая – делать то, чего от них никто не ждет.

Джарсин подошла к выложенным на лабораторном столе в ряд медальонам. Теперь искры в них светились уверенно и ясно, они проснулись от своего многовекового сна, они ожили, они были полны магии и каких-то своих, свойственных только магматам надежд и устремлений.

Наблюдательница провела все же над медальонами рукой, ощущая их цвета, их различия. Желтый слегка согрел ладонь, красный даже покалывал жаром, синий впивался тонкими уколами, будто комариными жальцами, от фиолетового кожа немела, как от хорошего зелья против боли. Другие тоже были активны в высшей степени.

– Как их лучше всего перевозить?

– Для тех, кто понесет их в Нижний мир, Госпожа, следует изготовить замшевые мешочки, чтобы гонцы ненароком не соприкоснулись с медальонами, отчего у них могут возникнуть искушения или искривления в восприятии... задания. А вот для тех, кто будет их носить, я бы порекомендовал изготовить золотые цепочки.

– Нет, сделаем по-другому.

И она принялась колдовать, хотя тоже была не в полной силе, просидев не один час с Вандой и с теми мыслями, какие вызвало у нее прорицание пифии.

Она прочла одно заклинание, потом другое... Кнет из лаборатории убежал, для него за последние дни было слишком много магии. А Наблюдательница колдовала, да так, как давно уже не пробовала. Возможно, так проявлялось беспокойство, которое возникло у нее после прорицания.

Во-первых, она вложила в медальоны заклятие, которое сделает их невидимыми, когда они войдут в свою активную фазу, и еще настоящую действенность не только в поиске... Для поиска они могли быть и видимыми, с этим согласились почти все из них, хотя и тут, как в ощущениях на ладони, могли быть некие различия.

А во-вторых, она сделала медальоны «присущими», это была уже довольно сложная магия, некоторые из древних героев носили так мечи, чтобы их не могли заранее определить враги. У такого человека как бы не было меча, пока он расхаживал по миру, а потом неожиданно вдруг он выхватывал его, как казалось со стороны, прямо из воздуха. Вот и медальонов для смертных как бы не будет... Но они будут, и в этом заключалась их защита от непрошеного или насильственного действия против них – против медальона и против смертного, в котором магимат найдет свое соответствие.

Все же придется иметь дело со смертными, а они ненадежны и, кроме того, подвержены влияниям чужой воли, например воли их господ... Или хотя бы хищным желанием разных грабителей... Попутно Джарсин еще раз, возможно и впрямь того не замечая, сделала сами медальоны чуть слабее в воздействии на смертных, у которых будет с ними соответствие. Все же с предсказанием о том, что носителям этих знаков следует оставить свободу воли, следовало считаться, хотя бы ей того и не хотелось.

Так что прямого порабощения смертных через эти магиматы не будет... Ну почти не будет. Она об этом позаботилась. Торл понял, что она делает, подошел слишком близко, едва не навис над ее плечом, и уже в который раз за свою долгую жизнь замер от восхищения перед ее умением, ее искусством. Она это поняла, почувствовала, но сейчас это лишь вызвало в ней злость – нашел чем восхищаться, всего лишь магическим трюком, который она, бывало, устраивала для пробы сил, для тренировки, если не сказать, что для озорства... Правда, в прежние-то времена она делала его наоборот, подчиняя волю и последующие действия смертных какому-то вложенному в магимат волшебству, заданию, преследованию некоторой цели. Но тот, кто может это сделать для подчинения, тот сумеет и разрядить это слепое подчинение или ослабить его, как проделала она сейчас.

Поэтому, закончив заклятия, она повернулась к своему главному советнику резко, едва не ударив локтем, чтобы сбить его с ног, причинить боль его старому, немощному телу... Но вопрос прозвучал по-деловому сухо:

- Я приказывала вызвать ко мне лучших рубак Ордена... Они готовы?
- Они ждут, Госпожа, – отозвался Торл с поклоном.

5

Зал назывался Тронным, хотя и Джарсин не имела титула королевы, и трона тут не было. Зато стояло высокое, резное и изукрашенное золотом и драгоценными камнями кресло, которое ни один король из Нижнего мира не посчитал бы зазорным поставить себе вместо трона. Сидеть на нем было неудобно, но Наблюдательница привыкла к нему, тем более что шелковые подушки в кресле все же имелись.

Она уселась, по-прежнему хмурая, недовольная тем, как медленно и неясно, с ее точки зрения, продвигается дело. Затем глянула в окно и застыла. За окном творилось что-то необычное. Тьма, клубящаяся внизу, в пропасти, поднялась, а возможно, опустилась серая хмарь сверху, и сейчас она плескалась у самых окон ее замка, почти угрожающе висела за стеклами, вызывая в сознании невнятные переживания. Казалось, из нее может выпрыгнуть кто-то, с кем не сумеет справиться даже она, архимагичка Джарсин Наблюдательница.

Она все же оторвалась от этого зрелища, оглядела Торла, Хранцу и своего дворцового дурака. Все ожидали знака, она махнула рукой. Торл подошел к высоким дверям и отворил их, повернулся, слегка дребезжащим, старческим голосом объявил:

– Рыцари Ордена Берты Созидательницы, преданные слуги Джарсин Бело-Черной, прозванной Наблюдательницей, властительницы Верхнего мира и Госпожи мира Нижнего.

Со своим официальным званием она когда-то нимало помучилась, но решила, что именно эти слова подойдут для сколько-нибудь торжественных церемоний. Вот только сейчас они ее тоже раздражали, она ни за что не согласилась бы на них в нынешнем качестве, вот только над этим, как и над многими другими традициями, она была не властна. Вернее, тоже, конечно, властна, однако для того, чтобы хоть что-то в них изменить, требовалось много времени.

В зал стали входить рыцари, из смертных, конечно. Зачем ей вечные рыцари? Солдаты нужны, чтобы умирать за нее или во имя целей, которые она им укажет. Тогда они становятся ценным ресурсом, у них появляется ощущение собственной нужности, даже необходимости, культ своей чести и достоинства, непреходящих ценностей, ради которых следует сражаться с врагами, которые, разумеется, эти ценности пытаются разрушить.

Впереди шел генерал из гоблинов, седой и близорукий, с водянистыми, злыми глазами, потом еще один, рангом поменьше, человек, кажется, солдаты называли его Колотун, и что это значило, всем было понятно без объяснений. Джарсин не помнила имени или прозвища первого из генералов, но это было неважно, они должны были хорошо знать ее и подчиняться ей, а не она их помнить... Впрочем, Камень когда-то позволял ей следить едва ли не за каждым из ее солдат, вот только жизнь их ей не понравилась, и она быстренько переключилась на наблюдение за остальными смертными, из Нижнего мира, у которых все в жизни происходило интереснее, и насыщеннее, и необычнее, едва ли не богаче. Тогда, помнится, она решила, что солдаты все же обладают слишком простым взглядом на мир, чтобы занимать ее. И ремесло у них не слишком сложное – тренировки, сон и еда, конечно, самая простая, незамысловатая тяга к прелестницам разного сорта и бои, которые, в случае их недостатка, они устраивают между собой, называя это отстаиванием каких-то своих уже представлений и рангов.

Генералы ввели четыре десятка разных смертных. Тут были и орки, и гоблины, и карлики, и люди, и даже один тролль, вот только не слишком большой и грузный. Почему-то Джарсин вспомнила, что среди ее рыцарей имелся один циклоп, он был отличным солдатом, но потом вдруг нашел себе пещеру где-то в северных горах и ушел из Ордена, хотя обычно такого не случалось, потому что бывших рыцарей Ордена Берты быть не могло, их попросту

не бывало. Что с циклопом стало позже, она не знала, следить за ним в пещере стало еще скучнее, чем наблюдать за казарменным житьем-бытьем орденцев.

Они стали почти как на плацу, в три ряда, хотя равнения и не выдержали, и правильно, не хватало еще, чтобы они тут строевые учения устроили. По знаку седого генерала из гоблинов они все опустили на одно колено и склонили головы, широкие плащи превратили их в белые либо черные изваяния. На одном из этих рубак плащ почему-то был сырой, это Джарсин вдруг увидела очень отчетливо. Другой, на которого она почти с интересом перевела взгляд, оказался вшив, при желании она могла бы избавить его от таких-то мучений, но не стала, разумеется. Третий был слишком юн для рыцаря, но он был быстрым, подвижным и очень выгодно использовал это свое дарование в схватках и турнирах. Четвертый пылал такой жадной жаждой богатства, самых примитивных денег, что ему, наверное, лучше было бы стать торговцем, купцом, а не воином.

Она разглядывала их и не замечала, как едва ли не каждый, на кого она обращала внимание, ежится под плащом от давления, которое оказывал ее взгляд. Это было странное давление, не физическое, конечно, но психическое, или ментальное, или магическое, которое даже эти жесткие и негибкие смертные едва могли выдержать. Она их разглядывала теперь как бы сообща, всех скопом, но и отдельно, она же умела переживать и чувствовать едва ли не сотню смертных разом, оценивая вкус жизни, оттенок бытия каждого, как вкус вина, который можно разложить на оттенки ощущений, если как следует разбираться в вине. А Джарсин в жизни смертных разбираться научилась, иначе она никогда не стала бы архимагичкой даже при всех ее прочих дарованиях.

Почти в каждом она видела белую или черную искру, иногда маленькую, иногда слабую, иногда довольно сильную. Не раз она замечала, что белые искры имели какой-то иной отсвет, склонность к иному цвету, но это было, в конце концов, не слишком значительно, главное, что их основной цвет был ее цветом, а иначе и быть не могло. Иначе эти смертные не оказались бы здесь, предателей вычислили бы сами эти рыцари, орденцы, и избавились бы от них, как от ненадежных, разумеется. Она подумала, может, не следует тратить время, а просто отобрать тех, кто владеет самой сильной и ясной искрой, но потом подавила в себе это желание. Рыцарей следовало проверить по полной программе, не давая ни им, ни себе поблажек. Потому что слишком многое зависело от того, кого она сейчас выберет и на что они окажутся способны.

Вот если бы она увидела кого-нибудь, в ком горели бы обе искры, черная и белая, она бы такого выбрала сразу. Но такого не было, видимо, как-то так получалось по закону искр, что две никогда не попадали в одного смертного.

– Поднимитесь, – приказала Джарсин. Рыцари поднялись, верными, точными и сильными движениями хорошо тренированных бойцов. Она осмотрела их еще раз, замечая, как некоторые бросают на нее опасливые взгляды. – Я вызвала вас, чтобы выбрать достойных, которые должны сослужить мне особенную службу.

– Мы все готовы, Госпожа... – начал было седой генерал.

Джарсин остановила его резким жестом и продолжила:

– Вы находитесь здесь, у меня в замке. – Она едва заметно усмехнулась бледными губами. – Но должны быть готовы ко всему, что с вами сейчас произойдет. – Она еще раз с силой произнесла: – Соберитесь со всеми силами и будьте готовы.

Она больше не смотрела на них. Она опустила голову и стала собирать собственную силу, ощущая ее прилив в себе, как скопление молний в грозовой туче, как напряжение пружины в некоторых хитроумных механизмах карликов, готовой потом развернуться и придать этим механизмам способность к движению, как невидимое для взгляда смертных давление ветра, способного обрушиться на все, что ему попадется по пути, со всем своим иногда чрезмерным, смертоносным напором.

Наконец она была готова и тогда мощным посылом бросила в этих стоящих перед ней воинов невероятной концентрации шар боли и муки... Это было не самое сложное волшебство, но сейчас оно было страшно своей разрушительной силой. Простые смертные, не обученные боли, неспособные проявлять выносливость истинных бойцов, вероятно, погибли бы все сразу, но эти... эти сумели выстоять несколько секунд, прежде чем... прежде чем первые из них стали падать от той муки, которая обрушилась на них.

Вшивый солдат упал первым, он был не слишком сильным и даже не сумел как следует сложиться при падении на пол зала. Он рухнул как истукан, не согнувшись, не выставив руки, лицом вперед, и вызвал что-то вроде цепной реакции, падать стали и другие. Через минуту-другую на полу корчились уже все, лишь с десятка сумели не упасть, а опустились на колени, впрочем, тоже с выражением такой боли на лицах, что не составляло труда догадаться – они держатся из последних сил.

Джарсин чуть ослабила свое давление на них, мельком взглянула на своих слуг. Они стояли рядом с ней, шар боли их напрямую не затронул, и, несмотря на это, Торл качался, словно осинка на сильном ветру, он тоже должен был вот-вот потерять сознание. Хранительница, как самая стойкая из всей троицы, присела, закрыв лицо руками, мучаясь, впрочем, чуть менее остальных, потому что стояла за спинкой трона Наблюдательницы. Но ее опять тошнило, она едва удерживалась, у нее изо рта, открытого в беззвучном крике, прямо на платье, прямо на колени текла какая-то густая, отвратительная, темная слюна. Кнет корчился, сгибаясь от чудовищной боли в животе, в голове, в сознании, в сердце, во всем его естестве... Но он, в отличие от Хранцы, онемел от боли, не пробовал кричать и не замечал, как бьется головой и плечами о ступени, что вели на возвышение, на котором находилась Джарсин.

Да и самой Джарсин стало не по себе, она, пожалуй, немного переборщила с этой магией, тоже почувствовала боль, вот только она-то могла с ней справиться, к тому же ей следовало этот приступ в конце концов снять.

Она быстро, так быстро, что этого никто и не заметил, пробежала своим подвижным вниманием по всем собравшимся тут смертным. Отобрала чуть менее половины и тогда резко, как бывает только у очень искусных архимагов, отключила свое колдовство. Потом еще разок осмотрела своих солдат.

Трое были мертвы, тот самый, что был слишком юн, лежал, раскинув руки, невидящими глазами глядя в потолок. Жадный был жив, но у него тряслась голова, руки его ходили ходуном, в сознании что-то сместилось, это Джарсин видела совершенно отчетливо, пожалуй, он был более ни к чему не пригоден, его невозможно было использовать даже как торговца. Он был сломан до конца, до основания, если у этих смертных имелось какое-то основание...

Но почти половина из них все же пробовали встать, подняться, некоторые даже сумели не потерять внимания ко всему происходящему, а один кто-то из всей компании едва ли не получил от пережитого удовольствие. Он был странный, этот парень, даже извиваясь от боли, он едва ли не ликовал внутренне... Джарсин ему почти позавидовала – таким острым было его переживание, сама она была к такому, конечно, неспособна.

– Торл, позови кого-нибудь из коридора, пусть уберут тех, кто не выдержал первого испытания.

Торл на подгибающихся и дрожащих ногах прошел к незакрытым дверям, выглянул, беспомощно оглянулся на Джарсин. Она поняла его еще до того, как он произнес:

– Тут все тоже... лежат, моя Госпожа.

– Тогда позови служанок, – рявкнула Наблюдательница.

Служанок пришлось собирать чуть не со всех покоев, которые находились поблизости от Тронного зала. Некоторые по касательной испытали на себе удар, который обрушила архимагичка на рыцарей, и едва могли собой владеть. Но все же они, хоть и по прошествии

какого-то времени, унесли тех, кого теперь, повинуюсь неслышимым приказам Наблюдательницы, отбирал Торл. Впрочем, чтобы дело шло быстрее, к нему присоединились и Хранительница с Кнетом.

Времени на это ушло немало, но почему-то Джарсин не разозлилась, может быть, потому, что ей самой после всего этого требовалось немного восстановиться. Она обнаружила это с удивлением, прежде она бы не радовалась этой передышке. Но до смерти Камня все было по-другому, она не знала наверняка, в каких именно частностях и особенностях, но все равно ощущала – прежде было иначе.

В зале перед ней осталось почти два десятка смертных. Кстати, старенького генерала тоже увели, зато молодой остался, и он даже пробовал размышлять – это Хранительница видела совершенно отчетливо. Он думал, вот если бы его солдат обучили этому искусству, они все, рыцари Ордена, могли бы применять это умение против настоящих врагов на поле боя. Это Наблюдательнице, конечно, понравилось, она решила, что Колотун должен сменить изжившего свое время и свою службу старичка-гоблина.

– Теперь ты, – обернулась она к Торлу. И еще посмотрела на Хранительницу. – Ванда может помочь, если у тебя не хватит умения.

У Торла, как у обученного простым магическим задачам, была одна страсть. Он любил играть в лабиринты, и умел вызывать у смертных очень точные ощущения того, что они в этих лабиринтах находятся. Советник понял, кивнул и, почти как Джарсин незадолго до этого, собрался, произнес несколько заклинаний и бросил в рыцарей впечатление о довольно головоломном лабиринте.

Эти смертные как стояли в зале перед Джарсин, так и остались стоять, но в своих ощущениях они мигом очутились в лабиринтах, наполненных смертоносными ловушками, которые следовало пройти.

Следить за этим было бы даже любопытно, если бы для Наблюдательницы эти ходы, подземелья и ловушки не были... слегка примитивны. Она видела, как кто-то из рыцарей, кажется, тот, что явился в сыром плаще, условно погиб на простой ловушке выдуманного Торлом подземного потока, увлекшего его в совершенно закрытое глубокое озеро, из которого не было выхода. Видимо, он при жизни боялся воды, боялся ощущения глубины под собой, потому что плоховато умел плавать. Другой рыцарь, внешне очень уверенно прошедший почти весь лабиринт, вдруг сломался на обычной решетке, провалившись между железными прутьями, и условно сломал себе обе ноги. Третий погиб от неожиданного удара механического копья сбоку, четвертый... Вот этот погиб интересно, он задохнулся от едкого облака сернистого газа, который на него неожиданно напустила Ванда. Он просто лег на пол зала и перестал дышать, умер по-настоящему, хотя мог бы, кажется, дышать, ведь то, что с ним происходило в его воображении, было не на самом деле и воздуха, чистого и почти свежего, вокруг него имелось достаточно.

Тот, что провалился в решетку, стонал, пробуя дотянуться до ног, которые дивным образом казались ему вывернутыми под жутким углом. Они на самом деле были вывернуты, хотя и не так страшно, как ему представлялось. До конца лабиринта дошло всего-то десять рыцарей, вот только один из них, Колотун, нужен был ей здесь, в Верхнем мире, чтобы следить за обучением и подготовкой орденцев.

Всего-то десять, это было почти то, что Джарсин было нужно. Хотя и маловато, она рассчитывала на большее количество бойцов. Она снова приказал увести или унести тех, кто не справился с лабиринтами. Мельком она заметила реакцию на произошедшее у Торла. Тот был раздражен, почти как это бывало с ней самой, хотя и слабее. Он не думал, что эти солдаты так тупы, и лабиринты, которые рыцарям пришлось условно пройти, оказались для этих солдафонов слишком сложными. Он помрачнел, к тому же его задело, что Хранительница оказала ему дурную услугу, усложнив задание.

Но Наблюдательница была довольна, и Торл, заметив это ее настроение, все же немного приободрился. Ведь если Госпожа не сердится, что же ему-то расстраиваться? Он даже немного обрадовался, и, если бы Джарсин не была так поглощена происходящим, если бы не чувствовала, что все у нее получается как надо, она бы, возможно, как-либо испортила ему это настроение. Напустила бы на него что-то вроде чесотки или беспамятства или вовсе заставила бы отсидеть двое-трое суток в карцере для самых бестолковых, самых неумелых служанок, чтобы унизить его. Но она не стала этого делать, она решила не замечать его неожиданного самодовольства.

Вместо того чтобы как-то наказать Торла, она осмотрела десятерых оставшихся. Сначала она обратилась к Колотуну:

– Генерал, тоже можешь идти. Я удовлетворена твоей выдержкой и твоей подготовкой.

– Госпожа... – Генерал низко склонился. Кажется, он собирался спорить.

– Я сказала, что довольна тобой. – Она вспомнила, что собиралась повысить его. – Теперь под твоим началом будет весь Орден, все рыцари, послушники, оруженосцы, оружейники, интенданты и остальные, кто там у вас есть. Ты назначаешься гроссмейстером Ордена, и тебе поручается держать его, как всегда, в готовности.

– Госпожа, – теперь он спорить не хотел, – премного благодарю тебя. Я докажу, что достоин этой милости и твоего великодушия.

Вояки так просто устроены, мелькнуло в голове Джарсин, что, если их хоть немного отмечаешь, делаешь чуть выше рангом, чем прежде, они на самом деле испытывают благодарность. Колотун, пятясь задом к двери и кланяясь, вышел, не переставая бормотать благодарности. Наблюдательница осмотрела оставшихся, их было девять.

– Ванда, закрой двери. – Хранца бросилась исполнять приказание едва ли не бегом. – И принимайся за дело, теперь твой черед.

6

Джарсин обратила внимание, насколько эти жесткие, сильные мужчины были выше ее Хранительницы. Кто-то на голову, кто-то и вовсе нависал над ней, словно скала. Рыцарь из орков был, пожалуй, раза в три тяжелее и мощнее, чем ее пифия и управительница замка, а все же... Многие из них смотрели на нее со страхом, и не составляло труда догадаться, кто бы из них победил, случись им сойтись в единоборстве. Разумеется, не на мечах, не состязаясь в силе и обученности поединку, а вообще... Ванда тоже понимала это, она почти улыбалась, вот только с ее-то нелюбовью к мужчинам, к этим глыбам мяса, костей и похоти, она готова была применить самые изощренные испытания.

Впрочем, Джарсин уже догадывалась, что сделает Хранца. На этот раз она обойдется без мучительства, она собиралась проверить их иначе.

– Внимание. – Хранца даже руку подняла, чтобы все девять оставшихся мужиков смотрели на нее. – Мое испытание будет простеньким. – Она даже ухмыльнулась, возможно, чтобы поддержать их, а может быть, чтобы еще сильнее запугать.

И тогда перед внутренним взором каждого из них возник... пасьянс, обычный карточный пасьянс на две колоды, где все карты были разложены в произвольном порядке в восьми столбиках. Слева имелось шесть свободных клеток, куда можно было укладывать по одной карте, а справа были четко выражены восемь других клеточек, куда следовало уложить все восемь мастей, от туза и до короля. Это было довольно необычно, но Джарсин не спешила упрекнуть Ванду.

Она разложила пасьянс сама, вычитав его из сознания Хранцы. Все было просто, но вот какая штука – он решался единственным образом, и так легко было совершить ошибку... По сути, нужно было увидеть и понять комбинацию, где карты следовало как бы перемешать, и лишь тогда, как и было замечено Джарсин, он решался до конца. Она даже пожалела на миг этих дуболомов, потому что ни один из них, как она полагала, не был обучен такому образу мышления и, следовательно, не мог справиться с заданием. И лишь тогда она поняла...

Поняла, что делала Ванда. Она проверяла их на удачливость, на способность даже наобум, не понимая конечного результата, выбирать необходимые действия, совершать поступок, который бы несомненно, пусть и с отклонениями от оптимального варианта, все же приводил к успеху. Это было неглупо, Джарсин стала следить за тем, кто и как справляется с пасьянсом.

Один из воинов сделал несколько ходов, потом передумал, как-то сумел исправить неудачное решение и все же пошел по правильному пути. Вглядываясь в его сознание, Джарсин не видела его внешним образом, не могла оценить даже цвет его глаз, волос, кожи... Она могла видеть лишь, как ворочались его не очень плотные, какие-то порхающие мысли. Другой, восточник, думал более трудно, и мысли у него были тяжелые, словно глыбы камней, почти валуны. Но он был очень удачлив от природы, а потому медленно и в целом верно шел по правильному пути, хотя не очень-то благополучно решил один из столбиков, который выложил. У него могла быть с ним проблема, Джарсин и сама не понимала, как он теперь поступит, но вдруг у него и это ошибочное решение как-то разрешилось, да, удача была на его стороне.

Третий тоже решил свое задание, и даже еще точнее, чем прочие. Джарсин подумала, что он как-то сжульничал, но, оказывается, Ванда предусмотрела и это. Она даже оглянулась на свою Госпожу, но та не протестовала, и Ванда успокоилась. Она была по-прежнему настроена против этих смертных, она почти ненавидела их, но достоинства каждого проявились в этом задании с наглядностью, которая Джарсин понравилась. Решение нашли четверо. И к ним следовало приглядеться особо. Джарсин даже порадовалась, что у нее есть

теперь четверо проверенных слуг, которые, возможно, и вправду выполняют то, что она была намерена им поручить. Наконец все стало понятно.

Джарсин избавилась от внутреннего взгляда в сознание этих существ и посмотрела на них внешне. Они были характерными личностями.

Один был на четверть гоблином, на четверть орком, но основой ему служила кровь южных людей или восточных карликов, хотя такое сочетание встречалось очень редко. Впрочем, подумала Джарсин, если орки предпочитают людей поедать, то гоблины иногда воруют человеческих женщин, а бывает, что и оставляют их у себя. Она даже читала когда-то в юности одну почти любовно-эротическую сагу, где некая некрасивая в людском понимании женщина сама пришла в племя гоблинов и нашла там себе мужа, разумеется оставаясь младшей женой в его семье, но все же женой, со всеми правами дележки пищи за столом, крова от непогоды и постели для утех.

Другой был очень сильным на вид демоником с голубоватой, светящейся, как у этих существ часто бывает, кожей. Иногда, как слышала Джарсин, эти смертные умели летать, правда, не высоко и лишь в юности, пока не отяжелеют от прожитых лет. Но в старости у самых умных из них возникала другая особенность: они могли мгновенно переноситься в другое место, что было очень выгодно в схватке с несколькими противниками. Самые продвинутые из них умели перескакивать таким образом шагов на двадцать или двадцать пять, но и прыжок в три-четыре шага считался неплохим результатом. В лице этого демоника, чем-то похожем на морду очень умной и безволосой собаки, читалась обычно несвойственная собакам жестокость.

А вот третий был чистым человеком, удивительно сохранившим особенности своей породы и расы. Даже кожа у него вокруг глаз собралась в морщинки, как бывает с людьми, и лоб от передуманных мыслей сделался морщинистым, и еще пара шрамов у него имелась, должно быть из-за чрезмерной для воина нежности кожи. Но несмотря на то что он принадлежал к самой слабой, по мнению Джарсин, породе смертных, он все же справился с заданиями, и его следовало принимать в расчет. Впрочем, решила Наблюдательница, если она все же решит задействовать только троих, а не четверых своих вояк, именно человека она отошлет в казармы. Не нужен он ей, не хочет она, чтобы он участвовал в ее деле, пусть и прошел испытания.

Четвертый имел в своих жилах немалое количество крови эльфов, но изрядно разбавленной северными, светлыми птицоидами. Это выдавалось в нем густой, русой щетиной на щеках, похожей на легкие перья, таким же странным пухом, покрывающим его остроконечные уши, и сильной нижней челюстью, которой, кажется, можно было колоть кокосовые орехи, превращающей нижнюю часть его лица в подобие клюва. К тому же на руках у него было четыре пальца, которые хоть и сохранили присущую эльфам тонкость, подвижность и чувствительность, но были на редкость сильными, жесткими и оканчивались едва ли не настоящими когтями, как у хищного орла или грифа-падальщика.

Джарсин так увлеклась разглядыванием отобранных четырех рыцарей, что не заметила, как Ванда удалила из зала остальных. Отметив это, Наблюдательница решила продолжать, своим низким для женщины, даже грубоватым голосом она сказала:

– Так, милостивые государи... Теперь представьтесь.

Вперед выступил тот гоблино-орк, которого Джарсин рассматривала первым.

– Меня называют Сухром од-Фасх Переим, Госпожа. – Он склонился в таком глубоком, таком долгом поклоне, что Джарсин даже решила, что он туповат или медлителен, но она помнила, что удача была на его стороне, а потому ждала.

Когда Сухром и как-то там его дальше все же сделал шаг назад, не разгибаясь, выступил северянин-птицоид:

– Оле-Лех Покров, моя Госпожа, к твоим услугам всегда и до смерти. – Он с заметным озорством блеснул глазами. – Еще в казарме меня величают Четырехпалым.

– Иначе быть не может, – кивнула Джарсин Наблюдательница и перевела взгляд на демоника.

– Шоф, Госпожа Верхнего и Нижнего миров, – не сходя с места, представился голубоватый и очень странный рыцарь ее Ордена. – Прозвища не имею, а то, как меня называли в моем племени, не может выговорить ни один из этих... – Он чуть покосился на сослуживцев.

– Понимаю, – кивнула Джарсин. – Вот только у нас-то, как правило, одним именем кличут только слуг.

– Мы все твои слуги, Госпожа. – Он все же склонился в поклоне.

Надменен, решила Джарсин, держится особняком, и именно у него оказалось то самое порхающее мышление, наверное, он и не может иначе, потому что ни к чему не привязан или даже склонен к неверности... Забавно. Она жестко, оценивающе посмотрела на человека. Тот сразу же поклонился:

– Фран Термис Соль, Госпожа моя... Хотя некоторым мое прозвище не нравится.

– Любопытно, рыцарь. – Джарсин было действительно любопытно. – А кто-нибудь объяснял, почему тебя так прозвали?

– У него очень соленый пот, который выступает во время тренировок в изобилии, – чуть насмешливо проговорил Оле-Лех. – И кровь у него имеет солоноватый привкус, впрочем, как у всех людей, Госпожа.

Они над ним привычно насмеяются, решила Джарсин. Но чему тут удивляться, ведь он, несомненно, самый слабый из них. И легко потеет к тому же... На тренировках. И все же она решила спросить:

– Соленый пот... И как вы это почувствовали?

– Во время рукопашного тренинга, – сказал демоник Шоф, – после захватов на наших руках его... жидкость остается, Госпожа. А вот кровь, конечно, попадает на язык при укусах. – Он все же чуть смутился. – У нас бывают очень упорные тренировки по рукопашному бою, Госпожа.

– И довольно жестокие с точки зрения классической борьбы, не так ли?

– У него вообще, – почти пробасил гоблино-орк Сухром с длинным именем, – очень быстро синяки появляются. Чуть сожмешь его, Госпожа, – он уже... чуть не весь лиловый.

– Тебе, как я понимаю, здорово достается от них, Фран Соль, – сказала Джарсин. – А вообще-то я удивлена, что среди моих рыцарей есть человек, почти без примеси крови Старших рас.

– Я умею сражаться, Госпожа, не хуже прочих. Пусть и в синяках, но часто остаюсь победителем.

– Правда? Никогда бы не подумала. Хотя иначе бы тебя тут не было. – Она помолчала и продолжила: – А теперь, рыцари мои, я скажу вам, что от вас требуется...

И вдруг вперед выступил Кнет. Он склонился перед Джарсин в низком, но вовсе не шутовском поклоне и сказал голосом, дрогнувшим от волнения:

– А как же мое испытание, Госпожа? Ты дала возможность Торлу и Ванде доказать свою преданность тебе, но ведь и мне нужно предоставить шанс.

– Тебе? – удивилась Джарси. – Кнет, это вовсе не игра, не шутовство...

– Я понимаю, Госпожа моя. – Шут снова склонился. – Я умоляю тебя... Если тебе не понравится, ты всегда можешь прервать мое испытание этих... Четырех достойнейших рыцарей.

Джарсин была действительно удивлена, это было настолько необычное ощущение, что она согласно кивнула:

– Хорошо, посмотрим, что ты придумал, шут.

И тогда Кнет обернулся к четырём рыцарям.

– Просто смотрите на меня, милостивые государи, – сказал он. – И думайте, как умеете, как получится. – Все же не мог он без подначек.

И вдруг стал, не сходя с места, почти не делая движений, изображать... Да, изображать смертных, во всем множестве рас, видов, пород и внешностей. Это было так неожиданно для испытуемых, что они... Да, решила Джарсин, они увлеклись. Лишь для нее в том, что делал Кнет, не было ничего удивительного, она привыкла к этому его умению, едва ли не мастерству, если бывает хоть гран мастерства в лицедействе, в чем она определенно сомневалась.

А Кнет, ее шут и дурак, вдруг стал представлять смертных, и ему это почему-то тоже нравилось... Он становился острым и злым гоблином, высокородным и пафосным эльфом, крохотным гномом или трудолюбивым и бородатым карликом, тяжелым и мощным циклопом или мечтающим о полетах тархом, то есть птицоидом, становился почти настоящим демоником или вдруг оказался человеком с хрупкими костями и с необъяснимой склонностью к синякам... Определенно, ему это понравилось.

Джарсин снова стала смотреть в сознание рыцарей, почти в их души, в их существо. Фран Соль откровенно любовался, едва ли не восхищался, у него не возникало никакого протеста против того, что делал шут, наоборот, ему хотелось продлить забаву. Гоблино-орк Сухром Переим оторопел, но послушаться даже шута в этом замке не осмеливался, раз уж на его трюки согласилась Госпожа, а потому честно и прямо пробовал понять, что это значит. Не зря ему дали такое прозвище, решила Джарсин, он тяжеловат на подъем, едва ли не тугодум, всегда следует за другими, и если бы не его удачливость... Оле-Лех эльфо-птицоид откровенно посмеивался, ему вообще очень нравилось быть веселым, насмешливым, шутливым. Он бы без труда сговорился с Кнетом и, не исключено, научил бы его новым шуткам, да и сам бы позаимствовал кое-что из его шутовского арсенала. А вот демоник Шоф был угрюм и спокоен. Он не сразу выделил основные эмоции, но, когда все же нашел их, Джарсин почти с радостью и удовольствием заметила – он ненавидел все то, что ему показывал шут. Он хотел бы только одного – стереть это, уничтожить все создания, которые демонстрировал Кнет, он мог бы с удовольствием пытаться и мучить всех этих эльфов, людишек, орков... Он был бы рад их мучению.

И тогда Джарсин поняла, что именно он обрадовался их первому испытанию и именно он восхитился пережитой болью. А еще она поняла, почему даже во время тренировочных рукопашных боев он кусал этого человечешку Франа Соль... Впрочем, многие из ее солдат были, без сомнения, так далеки от человеческих слабостей, что кусали его едва ли не в насмешку, к тому же, наверное, это здорово помогало им в тренировочных поединках против Франа.

– Хватит, – приказала Джарсин жестко. – Довольно, Кнет.

Шут остановился не сразу, он еще по инерции что-то представлял, вызывал в сознании своем и четырех рыцарей, наблюдающих за ним, разные впечатления, еще собирался добавить какие-то новые краски или эффекты, но все же... остановился, замер, потоптался, мигом сделавшись неловким и донельзя уязвимым, склонился, отступил, снова поклонился.

Он тоже увидел все, что Джарсин поняла о своих солдатах посредством высочайшей магической выучки, вот только как-то по-своему, минуя магию, другим образом, о котором Наблюдательница не знала почти ничего. Но теперь у него было довольно полное понимание этих рыцарей, точное и верное представление о том, как будут действовать все эти четыре рыцаря, исполняя ее задание. И он отчетливо не одобрял демоника.

А он все же молодец, подумала Джарсин про голубокожего, нужно будет его оставить при себе, поручить ему выучить анатомию разных смертных получше, чтобы он умел их беспощаднее пытаться, и тогда... Нет, пусть пока просто поживет в замке, там решим, что он умеет лучше – сражаться или ненавидеть.

Для нее сильная, безудержная ненависть в ком-то другом, а не в ней самой была такой ценной и действительно редкой, удачной находкой, что она едва ли не восхитилась Шофом... Если бы умела восхищаться кем-либо другим, а не собой и своим магическим умением.

– Шоф просто, как ты представился, – она все же чуть улыбнулась собственному остроумию, – ты можешь идти. Недалеко... Отныне ты будешь жить в замке, там придумаем, чем ты займешься, что у тебя будет лучше получаться. Пока же оставайся поблизости, чтобы я могла тебя в любой момент позвать. Ты понял? Я могу позвать тебя в любой момент.

– Я понял, моя Госпожа. – Демоник снова стал раскланиваться, в его сознании резко и отчетливо разгорелась зависть к этим троим, которые оставались с ней, с Джарсин Наблюдательницей, и она собиралась сообщить им что-то, чего он, может быть, не узнает. – Я только хочу добавить, что тоже предан тебе и хотел бы участвовать в деле, ради которого ты вызвала нас сюда и ради которого испытала...

– Уймись, Шоф, сейчас у меня нет для тебя времени. – Она все же смягчилась, он явно не привык, чтобы с ним так обращались, ничего, придет время – научится. – Твои вещи должны быть в замке к исходу дня. Кто-нибудь из старших слуг покажет тебе комнату, где ты теперь станешь жить. Пока – все, иди обустраивайся.

Демоник снова поклонился, слегка растерянно, что не укрылось от впечатлительного шута, да и остальных тоже, вышел, осторожно прикрыв за собой двери. Тогда Джарсин потянулась в своем кресле, словно сытая кошка, и сказала голосом, который зазвучал, словно сильная труба, которым в прежние годы магических войн, случалось, она разрушала крепостные стены:

– А теперь, смертные, я скажу вам, что от вас требуется. И прошу понять, что малейшее невыполнение моего приказа или даже тень подозрения, что кто-либо из вас выполняет его ненадлежащим образом, тут же приведет к вашему устранению... Разумеется, в таком виде, чтобы провинившийся уже никогда не мог вызвать моего неудовольствия и чтобы он никому не сумел выдать то, что он здесь узнает.

Трое рыцарей поклонились, понимая, что другого пути, кроме подчинения ей, Джарсин Наблюдательнице, и исполнения того, что она задумала, у них уже нет.

7

Пока они втроем ехали по длиннющему мосту, который соединял замок Наблюдательницы и остальную землю, все помалкивали. Тем более что за ними следовала замковая стража на расстоянии шагов тридцати, но и через это расстояние их можно было отлично слышать... Мост этот был их зоной ответственности, поэтому протестовать или даже удивляться было бы бессмысленно. Хотя Сухром и заворчал пару раз, оглядываясь. Но при этом ему приходилось немного разворачивать и своего коня, а это делало его маневры опасными, потому что мост не имел парапета, а так как ехали они в ряд, то других отжимало к пропасти. Наконец Оле-Лех не выдержал:

– Сухром, спокойнее, старина.

У него в задумчивости возникала вот такая неумеренная дружелюбность, но лишь внешне. Фран, да и сам Сухром, отлично знали вспыльчивый характер этого... гм... брата по Ордену, знали его манеру напустить на любого чуть не с оружием, если ему что-то не нравилось. Поэтому Сухром отозвался:

– А чего они?..

– Оставь, все равно это на них впечатления не произведет, а нам... – Фран не договорил.

Он хотел добавить, что это может осложнить ситуацию, но понял, что зря, куда уж больше осложнять то положение, в котором они оказались после полученного приказа? Кажется, больше уж некуда... Или все же есть? Или еще будет?

– Не о том нужно думать, – все же досказал Оле-Лех.

Оба других рыцаря согласно промолчали. Они съехали с моста, копыта их коней перестали так невыносимо звонко греметь над тусклой, серой пропастью. Звуки на этом мосту вообще раздавались излишне резко и отчетливо, это была всем известная особенность, чтобы никто, даже самый тренированный смельчак, не мог, предположим, пробраться в замок по мосту по обратной, обращенной вниз стороне.

Стражники Наблюдательницы остались у каменной кромки, дальше рыцари поехали по дороге, впрочем тоже вымощенной плоскими булыжниками, в сторону Слободы. В ней обитало немало народу, разумеется, самого разного. Да настолько немало, что в любой другой стране это скопление домов и прочих строений считали бы городом, лишь тут, где все было неумеренным – либо чрезмерно большим, либо изрядно мелким, – городок этот назывался Слободой.

Орденцы, еще ранее высланные из замка, тут и собрались, в трактире, который встречал всех, кто съезжал с моста, на главной слободской улице, перед небольшой площадью с фонтаном. Их кони топтались у древней, изъеденной ветрами и дождями коновязи, над которой чуть покачивалась на ржавых кольцах дощатая вывеска, изображающая пару рыцарей в белых и черных старинных доспехах, скрестивших свои огромные мечи. Трактир называли по-разному, кто величал его «Два рыцаря», кто – «Бело-черным», кто – «Под крестиком», а кто и просто – «Два дурака», уж очень заметно случалось тут иным орденцам нагрузиться вином и бренди, коротая в общем-то немногие при их службе часы ничегонеделания. Перед трактиром стоял кто-то из рыцарских слуг или оруженосцев, он заметил подъезжающую тройцу и тут же умчался внутрь, чтобы доложить своему господину.

– Вообще-то обдумать это дело нужно, – вздохнул Оле-Лех. – Между собой-то нам секретничать ни к чему, верно?

– Я остановился дальше по улице, – сказал Сухром. И добавил, чтобы другим тоже стала понятна его мысль: – Не в этом трактире.

В Нижнем мире когда-то он был сыном очень богатых родителей и здесь тоже прожил не только на деньги, которые выплачивались рыцарям за службу. Собственно, о его

богатстве ходили байки не только среди солдат, но и среди рыцарей, которые тоже в часы безделья любили почесать языками. Рассказывали также и о его скуповатости, которая проявлялась самым неожиданным образом.

– Да, секретность, сдержанность, молчание... – протянул со вздохом Фран. – Это было ее главным условием. – Внезапно он оглянулся на замок. – Кстати, вы не чувствуете, она, кажется, следит за нами?

– Я не ощущаю, – помолчав, проговорил Сухром. – Это ты у нас такой чувствительный.

– Сдается мне, теперь мы все время будем у нее под наблюдением, – отозвался Олех. – Теперь Госпожа нас не выпустит... Или не отпустит.

Из «Двух рыцарей» высыпало немало других орденцев, которые решили посмотреть на тех, кто оставался в замке дольше других. Один из них, огр, спросил, едва разжимая челюсти, которыми он мог, кажется, жевать камни:

– А где же Шоф?

Трое рыцарей ничего ему не ответили, это был нелепый вопрос. Раз уж Госпожа решила его оставить в замке, так это и следовало принять, без вопросов. Но этого почти никто и не заметил, потому что случилось другое. Новый гроссмейстер Ордена Колотун вышел вперед и, кивнув, проговорил:

– Мне приказано следовать вашим распоряжениям, братья. – Он был, кажется, все еще чуть расстроен, что госпожа Джарсин не выбрала его для своего задания, а потому развел руками. – Готов исполнить пожелания любого из вас.

– Мы знаем, – кивнул Фран. – Нам все же требуется передохнуть... Калмет здесь?

Калемиятвель, или в просторечии Калмет, был слугой и оруженосцем Франа, он должен был поджидать своего господина как раз в этом трактире, за столом для оруженосцев. Вперед протолкался Калмет, странный паренек, почти чистокровный эльф на редкость для этого племени небольшого росточка, который единственный из всех орденских оруженосцев ходил в килте и презирал даже самые легкие доспехи, предпочитая старинную кольчугу из очень светлой стали. Еще у него на широком поясе всегда висел мешочек из оленьей замши, в котором он носил свое имущество. На ходу он пробовал натянуть на голову полукруглый шлем с пластинами, закрывающими по бокам его скулы и длинную шею почти до плеч, с переносцем, спускающимся ото лба чуть не до губ.

– Я здесь, господин.

– Расплатись, захвати мои доспехи и вещички, следуй за нами, – приказал Фран. – Да, попутно найди слуг этих... благородных рыцарей.

– И передай, что они нам нужны, – буркнул Сухром.

– Иди уж, – толкнул оруженосца в плечо Колотун. – Я послежу, чтобы трактирщик не посчитал вас должниками. И за слугами благородных рыцарей пошлю кого-нибудь, освобожу уж тебя от этого поручения.

Калмет быстро поклонился, благодаря, и побежал в трактирную конюшню к своему коню и второму коню Франа, на котором тот приволок свои доспехи и пожитки в тюках.

Гостиница, в которой остановился Сухром, была куда лучше трактира, где рыцари собрались после вызова в замок. Тут были даже отдельные укромные комнатки, в которых можно было обсудить разные свои дела, не опасаясь чужих ушей, разумеется не считая магической слежки. Хотя местная хозяйка, тощая и какая-то темнокожая девица уже весьма преклонных лет, утверждала обратное, полагая, что те несколько талеров, которые она заплатила какому-то ярмарочному шаману, надежно оградили ее заведение даже от магии. Шаман этот, разумеется, сделал все, что умел, чтобы навести на гостиницу завесу непроницаемости, но поверили в это немногие, если вообще хоть кто-то поверил.

Встретив трех рыцарей на пороге, она все сразу поняла каким-то таинственным чутьем, свойственным лишь преуспевающим содержателям подобных заведений, провела

гостей именно в такую комнату, где стоял большой стол, и тут же стала выговаривать шепотом девицам, чтобы те подали блюда с подходящей для каждого из рыцарей пищей, побольше вина и всего прочего. Сухром и Оле-Лех держались отстраненно, лишь Фран, мельком оглядев помещение, попросил:

- Свечей, хозяйка, да побольше.
- Будет исполнено, мой господин.

Свечи появились почти сразу, как и еда. И с ней хозяйка расстаралась, Сухрому подали мясо, едва-едва обжаренное на вертеле, Оле-Леху достался отличный салатец, сложенный, кажется, из двух десятков разного рода овощей и даже фруктов, редких в Верхнем мире, а также сыры нескольких сортов и чуть солоноватое, светлое вино, сделанное из березового сока, а Франу принесли горшочек неплохого рагу из баранины с грибами, тушенными под сметанкой. Для него и Сухрома также подали тягучее, крепкое вино и вино легкое, чуть розоватое, с запахом вереска.

Все трое расселись молча, каждый сосредоточенно подвинул к себе свою тарелку, налили винца в тяжкие оловянные кубки, Оле-Лех добавил в свой кубок воды, поболтал, чтобы размешать напиток, и выпил не отрываясь. Оказывается, он хотел пить, потом налил еще, но водой больше не разбавлял.

Они посмотрели друг на друга, даже не изучающе, а просто... Прежде они мало знали друг друга, и то, что оказались в одной команде, обернулось для них неожиданностью. Сухром так и сказал.

– Ерунда, – махнул рукой Оле-Лех, – это ненадолго. Госпожа приказала отправляться в путь не мешкая. А это значит...

– Сразу, как только прибудет то самое, на чем нам приказано ехать. Или лететь, – добавил Сухром и вздохнул. – Мне-то дальше вас придется забраться.

– Тебе выпало, – кивнул Фран, – отправиться на восток, в земли... Кажется, они находятся под покровительством Марсии Клини и Сары Хохот.

– Знаю. Вот только ходят про них не очень-то обнадеживающие слухи. Как архимагички они обе немногим уступают нашей Госпоже, а вот характером... И притом следует, как приказано Госпожой, соблюдать таинственность и незаметность. Что бы это значило, а?

– Легче всего, кажется, пришлось мне. Я отправляюсь на север. – Оле-Лех поскреб свою похожую на легкие перья щетину. – А там хозяйствует Рош Скрижаль, как сказывают, книгочей и любитель тишины. Правда, еще есть Нора Поток, а это значит, придется забрести в такие дикие места, где и леса нет... Почти до тундры придется дойти. – Он снова выпил и скривился, долил из стеклянного кувшина в свой кубок бренди, хлебнул уже с удовольствием. – Надо будет здесь запастись этим пойлом, там не достанешь такого ни за какие деньги. – Он посмотрел на Франа. – Но хуже всего придется тебе, друг. Тебе отправляться в самые горячие земли, к Вильтону Песку и Августу Облако. Вильтон всем известный некромант, а про Августа вообще ничего не известно.

– Это может оказаться или очень хорошо, или очень плохо. Вдруг Облако всех, кто в его земли забредает без спроса, в соляные столбы обращает?

– Пугаться-то заранее не следует, – сказал Сухром философски.

Они помолчали, Оле-Лех полез во внутренний карман своего колета, в котором явился на вызов Госпожи, и вытащил мешочек из замши. Вытряхнул из него еще три мешочка поменьше, из одного вытащил странный, причудливый медальон, украшенный камнем с ноготь взрослого человека, играющий в своей глубине ярким фиолетовым отблеском.

– Она еще сказала, что нам следует найти тех... исполнителей, которых мы должны уговорить следовать с нами, как этот вот камешек захочет. И как же это произойдет?

– Вообще-то Госпожа сказала, что поможет медальон, а не камень, – поправил его Сухром.

– Никакой разницы не вижу.

– Не скажи.

Доели, и вряд ли кто-либо из них вообще почувствовал вкус еды, как ни старательно и умело она была приготовлена. Фран тоже выпил светлое вино, налил темного, тоже не понравилось, выплеснул под стол. Налил немного бренди, вот его он стал пробовать, причмокивая.

– Хорошо задание – пойди, не зная куда, найди, не знаю кого... Которые найдут то, чего не знает никто.

– Это не обсуждается, – ответил Франу восточник, нахмурившись. Чувствовалось, что теперь эти оба... компаньона тяготили его.

– Разумеется, – согласился Фран-человек. – Вот только как же этих смертных искать-то? – Он помолчал. – И что значит – найти именно тех, в ком есть искра такого же цвета, что в камне светится?

Не сговариваясь, он и Сухром тоже достали по три медальона. У Сухрома были камни синий, красный и очень светлый, почти бесцветный, с оранжевым отсветом. У Франа в медальонах оказались желтый, очень большой, неприметный серенький, едва ли не как галька на берегу моря, величиной с семечку подсолнечника, похожий даже формой, и коричневатый, кажущийся мягким и совершенно неприглядным. Даже серый камешек, по сравнению с этим коричневым, представлялся чуть ли не благородным.

– И что же в них такое содержится? – решил выразить свое недоумение Сухром.

– Магия, брат, – ответил Оле-Лех.

Он тоже разложил свои медальоны, приглядываясь к ним недоверчиво и в то же время благоговейно. Помимо фиолетового камня в его медальонах имелись зеленый изумруд и голубой топаз. Хотя и от этих благородных камней те, что были вставлены в его медальоны, отличались изрядно. Они были... более яркими, насыщенными некоей силой, казались едва ли не горячими.

– Меня еще вот что озадачило, – продолжил Оле-Лех, снова почесав свою щетину, при этом возникало впечатление, что растительностью этой он изрядно гордится. – Что значат слова Госпожи, мол, если кто-либо из нас не справится, она пошлет других? И притом помогать не станет, иначе это будет очень заметно другим архимагам?

– Да то и значит, что она сказала. Чего ты не понимаешь? – Фран спрятал медальоны, как и Оле-Лех, в нагрудный карман своего длинноватого белоснежного доломана.

– Мы все сами должны решать, вот что, – добавил Сухром, поглядывая на двери. Он определенно ждал своего слугу. – Я расстроился не от этого. А потому, что с собой следует брать только по одному слуге. Как это можно – в дальнем путешествии, почти в походе пользоваться только одним прислужником? В голове не укладывается...

– А у меня всегда один, – пожал плечами Фран, – я привык. Да и справляется мой Калемиатвель, знаете ли, забот у него не слишком много.

– Так то – ты, а я же... – Сухром даже голову повесил, расстроившись. Проговорил, глядя в тарелку с остатками мяса и потеками красного сока: – Что же, я все должен сам делать, так получается?

И словно бы в ответ на его вопросы в комнату осторожно, стараясь не шуметь, вошли трое их оруженосцев и слуг. Их привел все тот же Калемиатвель, который даже немного запыхался, выполняя распоряжение Франа. Он открыл было рот, чтобы доложить, что все исполнено, но посмотрел, как рыцари сидят за столом, и отошел в сторону.

– Датыр, лисий сын, почему тебя не оказалось в «Двух рыцарях»? Ты же должен был там ожидать меня.

– Господин... – Слуга согнулся в несколько преувеличенном поклоне. Когда он выпрямился, стало ясно, что про себя он посмеивается и ничуть не боится суровости Сухрома.

Он был уже пожилым, и возраст сгладил едва ли не все черты, свойственные ему от рождения и предков. В чем-то он был даже более похож на человека, чем это удавалось иным людям. У него были длинные, серые от седины волосы, забранные в длинную косу, которую он иногда свободно запихивал за пояс. Сказывали, что когда-то он был отличным бойцом, но в какой-то осаде, которую уже никто не помнил, получил три стрелы в грудь и живот, чудом выжил и с тех пор поединщиком был не самым выносливым. Про него также ходили слухи, что на короткое время, примерно на четверть минуты, он умел таинственным образом омолаживаться и начинал биться едва ли не лучше, чем умеют голубокожие демоники. К тому же у него в этом измененном состоянии был невероятно сильный удар, как-то он кулаком перешиб ствол бамбука с ногу мужчины толщиной, это Фран сам видел, хотя и не очень-то поверил – трюк этот вполне мог оказаться одной из восточных иллюзий, фокусом, а не боевым мастерством.

Разговаривал Датыр мало, ходили слухи, что он понимает желания и мысли Сухрома без слов. Вот и сейчас он ограничился всего лишь одним словом, которое означало и обращение к его рыцарственному повелителю, и просьбу о прощении, и вопрос, не нужно ли чего еще, помимо того что он явился сюда.

– Ты должен, как и слуга Франа, приготовить мои пожитки, негодяй, – уже потише, хотя по-прежнему сердито, стал распоряжаться Сухром. – Мы отправляемся... В общем, мы уезжаем, по распоряжению Госпожи, понимаешь? И мне наказано взять всего одного из слуг, поэтому я возьму тебя, остальных можешь отослать в казармы. Да, не забудь запастись едой, вином, одеждой... И всем прочим, что мне может понадобится. – Оказалось, что не только слуга понимал Сухрома без слов, но и Датыр умел объяснить что-то своему господину незаметно для остальных, потому что рыцарь вдруг спросил, глядя на слугу: – Что не так?

– Деньги, господин.

– Ах деньги. Ну ты там поторгуйся, может, сбросят свою цену.

Сухром все же неохотно полез в небольшой кармашек, сделанный в его широком кожаном поясе, и вытащил горсть серебра и пару золотых. Золото он тут же попробовал спрятать в кулаке, хотя и не очень удачно. Датыр взял серебро, взвесил на ладони и остался стоять на месте.

– Что такое? Думаешь, не хватит? – Сухром нахмурился. – Что?! – уже почти с мукой в голосе возопил восточник. – За наш постой тут заплатит Орден, Колотун определенно высказался...

– Нужно заплатить слугам.

– Думаете, у меня монетный двор султана Ахтиапаба? Или полагаете, что служба рыцаря приносит несметные доходы, от которых не знаешь как избавиться?

Вдруг Сухром посмотрел на двух других рыцарей, сидящих с ним за столом, и молча достал большие золотые монеты, но уже из другого кармашка, который находился в голенище его невысоких сапог. Молча положил их на стол и проводил взглядом, когда Датыр неторопливо сгребал их ладонью. Потом слуга поклонился и сказал, перед тем как уйти:

– Через полчаса, господин, все будет готово.

Когда Датыр вышел, Оле-Лех посмотрел на своего Тальду:

– Ты понял?

Тальда был очень сильным, мощным, большим, просто огромным темнокожим орком. Может быть, в нем была и какая-то другая кровь, но внешность этого племени перебила все остальные признаки его предков. Любимым его развлечением было поднимать камни и бревна, которые он потом с удовольствием забрасывал подальше. К Оле-Леху он относился с большим почтением, полагая, что тот всегда высказывает несомненную истину.

– Что? – переспросил он. – Что я должен понять, сахиб?

Голосок у него был нежным, певучим, едва ли не детским, что было странно для такого существа. Но всем было известно, что это – прием маскировки, при желании он умел рычать не хуже самого отпетого орочьего дикаря.

– Мы отправляемся в поход, Тальда, – стал объяснять рыцарь. – И ты должен к нему как следует подготовиться.

– Это слишком общее распоряжение, сахиб. Что я должен делать? – снова едва ли не по-девичьи пропел Тальда, наморщив свой лобешник.

– Еще раз, мы отправляемся в поход, – повторил Оле-Лех. – Поэтому ты должен сделать следующее...

А Фран отвлекся. Он снова налил себе бренди и подумал, что идея Оле-Леха запастись этим напитком здесь не лишена разумности. Вот только денег у него было маловато, но Госпожа сказала, что они получают деньги из ее казны, как и средства передвижения. Вот только что из этого выйдет, когда они перейдут в Нижний мир, он не знал.

Как и никто толком не знал. Бывало, что деньги тут, в Верхнем мире, превращались там в какую-то грязную глину, а отличное вино оборачивалось уксусом. И даже они сами, создания разной природы здесь, становились там... неизвестно кем. Такое при переходе в Нижний мир случалось сплошь и рядом. Зато всегда оставалась надежда, что очень-то существенно ни они сами, ни вещи, с которыми они отправятся туда, не изменятся. Такое тоже частенько происходило. Да, надежда все же оставалась, и приходилось положиться на нее... Согласно полученному распоряжению Госпожи.

8

Первым в путь отправился Сухром. Откуда-то сверху, из той самой серой хмари, которая заменяла в Верхнем мире небо и которой так много внимания уделяла Джарсин Наблюдательница, спустился летучий корабль. Он был красив, хотя изящный и небольшой его корпус висел под странного вида раздутым баллоном. Местные обыватели и раньше видели этот корабль, но нечасто, а потому выбежали на улицы и площади, чтобы получше рассмотреть эдакое диво. Но по мере того как вся эта странно невесомая машина, от которой к тому же веяло несомненной магией, снижалась и замедляла ход, все начинали неуверенно переглядываться, и скоро на улицах не осталось любопытных. Вероятно, они все же следили за тем, что происходит, но осторожно, незаметно, исподволь – интерес к делам Госпожи был слишком рискованным делом, чтобы об этом забыть из-за пустого любопытства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.